

БАРБАРА ХЭМБЛИ

ПРЕКРАСНЫЕ.

БЕЗЖАЛОСТНЫЕ.

БЕЗЗАЩИТНЫЕ.

ТЕ, КТО
ОХОТИТСЯ
В НОЧИ

Джеймс Эшер

Барбара Хэмбли

Те, кто охотится в ночи

«ЭКСМО»

1988

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хэмбли Б.

Те, кто охотится в ночи / Б. Хэмбли — «Эксмо»,
1988 — (Джеймс Эшер)

ISBN 978-5-04-120986-5

Он – Джеймс Эшер. Тайный агент короны, защищавший интересы Британии на всех континентах. Теперь он в отставке. Они – вампиры. Ужас ночного Лондона. Хищники, превратившие убийство в искусство. Теперь их убивают одного за другим. Однажды ночью в дом Эшера является незванный гость: Дон Симон Ксавьер Христиан Морадо де ла Кадена-Исидро, один из старейших вампиров Лондона. Он просит Эшера найти того, кто истребляет его собратьев, но протянет ли человек руку помощи полночному охотнику? И кто стоит за убийствами детей ночи: люди, решившие извести нечисть, или вампир, жаждущий крови своих?.. Первый роман знаменитого цикла Барбары Хэмбли «Джеймс Эшер» о вампирах и людях, что могут быть опаснее любых вампиров, удостоившийся премии «Локус» и награды от Общества Дракулы.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-120986-5

© Хэмбли Б., 1988
© Эксмо, 1988

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Барбара Хэмбли

Те, кто охотится в ночи

© Лукин Е.Ю., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Глава 1

– Лидия!

Имя жены отдалось эхом над съеденными темнотой ступенями, но еще за секунду до этого Джеймс Эшер понял: что-то случилось.

Дом был тих, но отнюдь не пуст.

Прислушиваясь, замер в темной прихожей. Наверху, за поворотом неосвещенной лестницы, – ни звука. И толстуха Элен не спешит, выбравшись из дальней двери, принять черную оксфордскую мантию и квадратную шапочку хозяина. Судя по пронизывающему холоду осенней ночи, наполнявшему дом, огонь сегодня не разжигали. Обычно Эшер не обращал внимания на приглушенный грохот посуды, доносящийся из кухни, где хозяйничала миссис Граймс. Теперь же его отсутствие оглушило подобно колокольному звону.

Случись такое шесть лет назад, Эшер без колебаний ступил бы за порог, готовый к любой опасности, – поведение, несколько неожиданное для скромного преподавателя Нового колледжа. Однако Эшер в течение долгих лет тайно участвовал в том, что принято уклончиво называть Большой игрой, занимаясь вроде бы невинным делом: сбором филологического материала в оккупированной англичанами Претории, в вельде среди буров, при кайзеровском дворе в Берлине, а то и на заснеженных улицах Санкт-Петербурга. Но, даже выйдя из Игры, он отчетливо сознавал, что его-то самого Игра никогда не оставит.

Какую-то секунду он колебался. Вне всякого сомнения, Лидия была там, в доме.

Затем бесшумно (если не считать шелковистого шороха его просторной мантии) он отступил за порог – в сырой туман, покрывавший даже ступени крыльца. В доме была опасность, но Эшер не чувствовал страха. Им владело лишь холодное бешенство. Что бы там ни происходило, в эту историю были втянуты Лидия и слуги.

Если они посмеют к ней прикоснуться...

Кто «они»? Этого он пока еще не знал, но семнадцать лет секретной службы на благо королевы (ныне – короля) подарили ему пугающий избыток возможностей.

В скрадывающем звуки тумане он пересек мощенную булыжником Холиуэлл-стрит и возле темной стены колледжа выждал, прислушиваясь. Те, в доме, кем бы они там ни были, наверняка слышали его зов. Следовательно, тоже выжидали...

Лидия, догадываясь о многом, – давно, еще в те годы, когда она, шестнадцатилетняя школьница, играла в крокет с молодым коллегой своего дяди на обширных лугах, принадлежащих ее отцу, – однажды спросила, каким это образом Эшер избегает провала в своих зарубежных вояжах.

– Я имею в виду, когда все вскрывается и обнаруживается, что похищены секретные документы, вы ведь находитесь там...

Он рассмеялся и сказал:

– Ну, во-первых, секретные документы не похищаются, они лишь аккуратно копируются. А что до остального, то лучшая защита – это казаться человеком, которому просто не пристало этим заниматься.

– Это здесь вы кажетесь таким.

Огромные светло-карие глаза изучали его сквозь очки в стальной оправе. Тоненькая агрессивная девчонка в ту пору еще только начинала превращаться в нежную хрупкую девушку. В присутствии молодых людей, которые уже обращали на нее внимание, Лидия очков не носила, умудряясь играть в крокет вслепую и угадывать содержание меню. А вот Эшера она вроде бы совершенно не стеснялась. В скромной хлопчатобумажной блузке, с красно-голубым школьным галстуком, с длинными рыжими волосами, спутанными изменчивым ветром, она

напоминала голенастую болотную фею, безуспешно пытающуюся притвориться английской школьницей.

– А трудно превращаться из одного человека в другого?

На секунду он задумался, затем покачал головой.

– Все равно что влезать в выходной костюм, – сказал он, уверенный, что Лидия его поймет.

Она засмеялась, и смех ее был светел, как апрельское солнце. Эшер запомнил этот смех, как запомнил он сырой туман, встающий над лугами Черуэлла, или неземную нежность голосов, плывущих майским утром с башни Модлин-колледжа, напоминая отдаленное пение ангелов. Он хранил эти воспоминания в тайном уголке сердца, как мальчишка хранит свои сокровища в коробке из-под ботинок с тем, чтобы вызвать их в памяти где-нибудь в Китае или посреди вельда, если дела пойдут совсем уж скверно. Лишь несколько лет спустя он понял, что смех Лидии и солнечный свет, играющий в ее волосах, были драгоценны ему вовсе не как символ мирного времени преподавания и учебы, когда человек играет в крокет с юной племянницей своего декана, а просто потому, что он уже тогда был отчаянно влюблен в эту девчонку. Когда же он это наконец понял, сердце его было разбито...

Теперь годы ученых трудов, покоя и счастья отлетали от него, как раздуваемая ветром университетская мантия. Эшер двинулся вниз по узкой улочке, минуя ряд кирпичных строений с плоскими фасадами, туда, где начинался лабиринт глухих переулков.

Если с ней хоть что-нибудь случится...

Из переулка позади домов Эшер мог видеть горящий в его кабинете газовый рожок, но туман и кружево портьер не давали возможности различить что-либо еще. По Холиуэлл-стрит прокатил экипаж. Цокот копыт и звяканье упряжи огласили вымощенное булыжником кирпичное ущелье. В глубине влажного серого сада широкое окно кухни светилось как подготовленная к действию сцена. Горел единственный рожок над плитой – большое стекло давало достаточно света вплоть до наступления сумерек. Следовательно, все произошло не позже семи...

Что – все? Несмотря на холод и предельную сосредоточенность, Эшер слегка усмехнулся, представив себя штурмующим собственный дом подобно Робертсу, освобождающему Мэйфкинг. И все с тем, чтобы найти записку: «Отец болен, ушла его навестить, слуг отпустила на ночь. Лидия».

Однако вся беда в том, что его жене (а Эшера до сих пор поражала мысль, что Лидия, несмотря ни на что, все-таки стала в итоге его женой) небрежность была свойственна в той же степени, как ему робость. Да она бы никогда не отпустила миссис Граймс и обеих служанок, не говоря уже о кучере Майке, не распорядившись предварительно об ужине для мужа. И уж обязательно бы известила его, послав кого-нибудь в колледж с запиской об изменившихся планах.

Но вся эта логическая цепь, в течение доли секунды выстроившаяся в мозгу Эшера, была ему, в сущности, не нужна. За годы скитаний он слишком хорошо научился распознавать запах опасности, а теперь дом буквально разил его.

Держась лоз, оплетающих садовую стену, и помня о зияющих чернотой окнах второго этажа, он добрался до кухонной двери.

Большинство молодых людей, которым Эшер преподавал филологию, этимологию и сравнительный фольклор в Новом колледже (хотя фактически не таким уж он был и новым – заведение основали примерно в середине четырнадцатого столетия), относились к своему ментору с преувеличенным уважением, с каким обычно относятся к чудаковатому дядюшке. Сам он не разрушал их иллюзий, подыгрывая питомцам в силу привычки; кроме того, этот образ не раз выручал его за границей. Эшер обладал расчетливо неброской внешностью и на первый взгляд казался ниже собственного роста. Лидия определяла его облик одним словом – «коричневый». Коричневые волосы, коричневые глаза, коричневые усы, коричневая одежда и коричневая физиономия. Сняв университетское одеяние, он был бы вылитый клерк, если

бы не острый взгляд и бесшумность движений. Старшекурсники наверняка сочли бы совпадением, что их преподаватель оказался в наиболее тенистой части сырого сада, став почти невидимым в своей черной шапочке и древнем наряде оксфордского ученого, скрывающем твидовый костюм. Определенно им бы и в голову не пришло отнести его к разряду людей, способных вскрыть окно с помощью ножа, ни тем более к разряду людей, носящих подобное оружие спрятанным в ботинке.

В кухне было пусто, холодно, пахло сырыми каменными полами и давно остывшей золой. Ни струйки пара над резервуаром для горячей воды на плите – новомодной американской штуковине из черного железа, сделанной в стиле рококо и обошедшейся чуть ли не в двадцать пять долларов (по каталогу). Мягкий газовый свет, мигающий на никелевых ручках плиты и на серебряной подставке для тостов, делал тишину кухни еще более зловещей, словно улыбка маньяка, прячущего за спиной топор.

Редкий преподаватель Оксфорда знает что-либо о кухне в собственном доме. Многие из них ни разу не переступали порог, отделяющий людскую от той половины дома, где обитают хозяева. Эшер положил себе за правило не только изучить точное расположение помещений (он мог бы пройти сквозь них с завязанными глазами, не задев при этом мебели, как, кстати, сквозь любую комнату в своем доме и сквозь любой кабинет в колледже), но он еще точно знал, где что лежало. Знание таких вещей давно вошло у него в привычку. За несколько лет он взял и не положил потом на место один-единственный предмет. Найдя ящик, в котором миссис Граймс держала ножи (тот, что он прятал в ботинке, был маленький – на крайний случай), Эшер двинулся к арочному проему мимо плиты, отделявшей кухню от кладовой. И все время его не оставляла уверенность, что кто-то в доме прислушивается сейчас к его тихим шагам.

Миссис Граймс, Элен и девчушка Сильвия – все были в сборе. Они сидели вокруг стола – живая сцена, что-то вроде композиции из музея восковых фигур мадам Тюссо, – замерев в ровном, слабо мерцающем свете стального газового рожка над плитой.

«Не хватает только бутылки с ядом на столе, – с кривой усмешкой подумал Эшер, – да плакатика: БЕЗУМНЫЙ ОТРАВИТЕЛЬ НАНОСИТ УДАР».

Однако бутылки не было, равно как и чайных чашек и вообще каких-либо свидетельств еды или питья. Единственной вещью на столе была чашка с наполовину перебранным рисом.

Изучая тощую фигуру кухарки, пышные формы горничной и сутулые плечи девчушки, Эшер вновь почувствовал озноб при мысли, что кто-то знает о его присутствии и вслушивается в каждый его шаг. Все три женщины были живы, но что-то зловещее было в их странном сне. Они напоминали сломанных кукол, которым не грозит ни судорога, ни случайная потеря равновесия.

Стало быть, он был прав, почувствовав неладное.

Кроме кухни свет горел только в его кабинете, и именно там, в ящике конторки, Эшер хранил свой револьвер – американский морской кольт. Понятно, что лектору-филологу было бы неловко носить его в кармане пальто. Это неминуемо вызвало бы ненужные толки среди преподавателей.

Из кухни он пробрался к лестнице черного хода. Сквозь неприметную дверцу в дальнем конце прихожей он убедился, что на парадной лестнице его никто не поджидает. Впрочем, это еще ни о чем не говорило. Дверь наверху встретила его зияющей черной пастью. Из кабинета на ковер падала полоса тусклого золотистого света, похожая на брошенный шарф.

Осторожно ступая, он двинулся вдоль стены. Наклонив голову, заглянул в кабинет. Диван был передвинут так, чтобы сразу попасть в поле зрения. На зеленых подушках лежала Лидия. Ее распущенные волосы свисали рыжими кольцами, почти касаясь пола; рука, лежащая на груди, сжимала очки. Все выглядело так, словно Лидия только что сбросила их, решив дать на секунду отдых глазам. Лицо спящей казалось особенно тонким и беззащитным. Лишь слабые

движения маленькой груди под дымчатым кружевом вечернего платья говорили о том, что Лидия еще жива.

«Ловушка», – подумал Эшер.

Кто-то ждал, что, увидев жену, он не раздумывая кинется к ней. И, видит бог, он был близок к этому...

– Входите, доктор Эшер, – послышался тихий голос из янтарно освещенной библиотеки. – Я один. Фактически в доме больше никого нет. Молодой человек, что работает у вас на конюшне, спит. Слуги, как вы изволили заметить, тоже. Я сейчас сижу за вашей конторкой (она стоит на прежнем месте) и не собираюсь причинять вам сегодня вреда.

«Испанец, – машинально отметил Эшер. – Говорит бегло, без акцента, но все равно испанец...»

Филолог и бывший полевой агент напрягал слух, вникая в это странное, чуть ли не деревенское произношение: то и дело следы изолированного «а», придыхательное «е» в конце некоторых слов...

Он открыл дверь до конца и шагнул в помещение. Молодой человек, сидящий за конторкой Эшера, поднял глаза от деталей разобранного револьвера и наклонил голову в знак приветствия.

– Добрый вечер, – вежливо сказал он. – По причинам, которые вскоре станут вам понятны, давайте обойдемся без формальностей объяснения и для начала представимся.

Едва уловимое округление дифтонга «оу», смещенное ударение в слове «вскоре» – в каком-то дальнем уголке мозга били тревожные колокола чисто научного любопытства.

«Да перестань же ты быть филологом хоть сейчас!...»

– Мое имя, – продолжал молодой человек, – дон Симон Ксавьер Христиан Морадо де ла Кадена-Исидро, и я имею честь принадлежать к тем, кого вы называете вампирами.

Эшер молчал. Возникшая было мысль сгинула, не прояснившись, оставив после себя белую пустоту.

– Вы мне верите?

Эшер понял, что стоит, набрав полную грудь воздуха, и выдохнул. Взгляд его устремился к Лидии. Фольклорные источники то и дело упоминали о так называемых истинных вампиров, бродящих по ночам и продлевающих свою жизнь с помощью девичьей крови. Воротник платья был распахнут, и Эшер ясно видел белую нежную кожу на горле жены. На бежевом тонком кружеве – ни пятнышка. Тогда взгляд его снова обратился к Исидро, в голосе которого он чуть ли не с первых фраз уловил непоколебимую убежденность сумасшедшего. И все-таки, взглянув на изящного юношу, расположившегося за его конторкой, Эшер снова почувствовал, как от шеи по спине ползут мурашки, словно он наклонился над краем утеса...

Имя – испанское, но сам белокурый... Видимо, из северных провинций, куда мавры так и не добрались. Тонкие черты лица, благородный нос идалго; бесцветные волосы, нежные, как шелк, как паутина; и прическа скорее женская, нежели мужская. Глаза тоже удивительно светлые – бледный янтарь, испещренный коричневыми и серыми крапинками. Такие глаза могли бы напоминать кошачьи, но вот почему-то не напоминали. Странное свечение было в них, некое неуловимое мерцание – даже сейчас, в газовом освещении, – и это почему-то сильно беспокоило Эшера. На фоне черного бархатного воротника тонкое лицо пришельца поражало мертвенной бледностью и неподвижностью – жили одни лишь глаза.

По собственному опыту, почерпнутому в Германии и России, Эшер знал, что такая бледность обычно предшествует обмороку, особенно при включенном газе. Желтоватые, мрачно мерцающие глаза вполне могли принадлежать сумасшедшему или наркоману. Но была еще одна жутковатая черта в доне Симоне Исидро: полная его неподвижность, словно он сидел за этой конторкой вот уже несколько столетий, выжидая...

Не спуская глаз с испанца, Эшер опустил на колени, чтобы пощупать пульс Лидии. И тут наконец понял, что именно тревожило его в этой странной, с необычными модуляциями речи. Понял и похолодел.

Произношение окончаний некоторых слов было свойственно жителям районов, лингвистически изолированных приблизительно с конца семнадцатого столетия.

Кроме того, дон Симон Исидро, казалось, набирал дыхание лишь перед тем, как произнести что-либо.

С ножом в левой руке Эшер поднялся на ноги.

– А ну-ка подойди, – сказал он.

Исидро не пошевелился. Его тонкие руки по-прежнему лежали неподвижно, мертвенно-белые на фоне синеватых стальных частей разобранного револьвера, но это была неподвижность паука, чувствующего малейшую вибрацию паутины.

– Видите ли, не так-то легко скрыть нашу сущность, особенно если некоторое время обходиться без питания, – мягко пояснил он. Тяжелые веки опустились как бы в дремоте, скрывая циничное насмешливое мерцание глаз. – Лет девяносто назад все было просто: при свечах кто угодно выглядел бы не хуже других. Но теперь дома начинают освещать с помощью электричества, так что даже и не знаю, как нам быть.

Должно быть, Исидро встал. И самое страшное было в том, что Эшер не видел, как это случилось. С ножом в руке Эшер шагнул вперед, чтобы оказаться между спящей Лидией и конторкой. Затем он почувствовал, как ледяные пальцы сомкнулись на запястье... и нож исчез.

Шок и потеря ориентации, словно его окунули вдруг в ледяную воду... Дон Симон бросил нож на конторку, присоединив его к рассыпанным частям непригодившегося револьвера, и с иронической улыбкой повернулся к Эшеру, чтобы предъявить ему пустую руку.

Эшер потряс головой, во рту было сухо. Ему уже случалось однажды (в германской археологической экспедиции в Конго) имитировать собственную смерть с помощью жгута, хотя в Индии он видел факиров, умевших временно умирать и без приспособлений. Он попытался, бессмысленно прокручивая в мозгу похожие друг на друга легенды, собранные им за время научных исследований, и двинулся к конторке жены.

Она располагалась напротив его собственной – секретер времен Регентства, служивший матери Лидии как хранилище пригласительных билетов с золотым обрезом и тонко продуманных списков, где кому сидеть за обедом. Теперь секретер был завален грудой книг, заметок и статей о гландах. С тех пор как Лидия получила ученую степень и занялась исследованиями в Рэдклиффском лазарете, Эшер не раз обещал заказать ей настоящий письменный стол.

В одном из малых отделений секретера лежал, свернувшись, как змея из резины и стали, стетоскоп Лидии...

Руки Эшера слегка дрожали, когда он снова отправил стетоскоп в его гнездышко. Кровь толчками двигалась в венах. Однако голос его остался ровным.

– И чего же вы хотите?

– Помощи, – сказал вампир.

– ЧТО?

Эшер уставился на вампира, и, судя по изумлению, мелькнувшему в глазах Исидро, выглядело это довольно глупо. Эшер все еще пытался осмыслить то, что он недавно услышал (а точнее сказать – не услышал) с помощью стетоскопа, но последняя фраза мрачного хищника из легенд, присущих каждой культуре, поразила его не меньше, чем сам факт существования вампиров.

Бледные глаза изучали его. Неподвижные, бесстрастные, невероятной глубины глаза. Несколько секунд Исидро молчал, как бы размышляя, сколь многое он имеет право сейчас рассказать. Затем сделал движение – невесомое, грациозное, бесшумное, как пролет тени, –

и оказался присевшим на углу конторки. Длинные белые руки обхватили облитое серой материей колено (отличная портновская работа!), голова чуть склонена набок. Что-то гипнотическое было в этом молчании: ни нервных жестов, ни мимики, словно вся свойственная людям суетливость была вымыта из Исидро неспешным течением лет. Затем дон Симон сказал:

– Вы доктор Джеймс Клаудиус Эшер, автор «Языка и концепций в Восточной и Центральной Европе», преподаватель филологии в Новом колледже, специалист по языкам и их метатезам в фольклоре от Балкан до Порт-Артура и Претории...

Эшер не поверил ни на секунду, что Исидро по чистой случайности назвал три горячие точки, подробнейшие карты которых министерство иностранных дел требовало в свое время особенно настойчиво.

– Уверен, что уже в силу профессии вы должны быть знакомы с вампирами.

– Да, разумеется. – Эшер оперся рукой на диван, где, погруженная в противоестественный сон, лежала Лидия. Он ощущал нереальность происходящего, но, как ни странно, был почти спокоен. Что бы там ни происходило, умнее было принять предлагаемые правила игры, чем ударяться в бессмысленную панику. – И нечему тут удивляться, – продолжил он момент спустя. – Я изучил легенды о вампирах чуть ли не всех цивилизаций – от Китая до Мексики. Они существуют повсеместно – рассказы о призраках-кровопийцах, живущих, пока пьют кровь. О них сохранились упоминания и в античных источниках, хотя, помнится, классические древнеримские вампиры предпочитали откусывать своим жертвам носы. Они что, в самом деле так поступали?

– Я не знаю, – ответил Исидро. – Сам я стал вампиром лишь в тысяча пятьсот пятьдесят пятом году от Рождества Христова. Я прибыл в Англию в свите его величества короля Филиппа, когда он собирался сочетаться браком с английской королевой, – и, сами понимаете, домой уже не вернулся. Лично я не вижу смысла в подобных действиях древних вампиров.

И хотя выражение лица его не изменилось, Эшер уловил некий проблеск улыбки в глубине этих странных глаз, напоминающих своим цветом шампанское.

– Что же касается легенд, – продолжал вампир, все еще пребывая в странном оцепенении, словно устав за несколько столетий от ненужных жестов, – рассказы о феях также существуют повсеместно, но ни вы, ни я не предполагаем встретить их, скажем, в саду.

Мочка уха, выглядывающая из-под бледной пряди, была проколота, а на одном из белых длинных пальцев вампира Эшер заметил старинное золотое кольцо. Плотнo сомкнутые тонкие губы Исидро полностью скрывали его зубы, и лишь когда он говорил, свет газового рожка мерцал на острых клыках.

– Я приглашаю вас отправиться со мной, – сказал он после короткой паузы, которая показалась Эшеру секундой некой внутренней борьбы. – Сейчас полседьмого. Поезд до Лондона отправляется в восемь, а до станции несколько минут ходьбы. Мне необходимо поговорить с вами, и, возможно, будет лучше, если мы сделаем это вдали от тех, чья судьба зависит теперь от вашей удачливости.

Эшер взглянул на Лидию. Ее волосы рассыпались завитками рыжего дыма по кремовому кружеву платья; пальцы, сжимающие легкую вещицу из проволоки и стекла, испачканы в чернилах. Эшер невольно улыбнулся. Очки и вечернее платье – сочетание в стиле Лидии, хотя на людях она предпочитала быть полуслепой. Так она и не забыла тех дней, когда была гадким утенком. Наверняка провела все утро в анатомичке, затем, торопливо нацарапав что-то о своих любимых glandax, поспешила домой, чтобы успеть переодеться к его приходу. Интересно, как бы она отреагировала на появление дона Симона Исидро? Не иначе – достала бы зеркальце дантиста и потребовала открыть рот, и пошире! Эшер оглянулся на Исидро, странным образом взбодренный этой мысленной сценкой.

– Лучше – для кого?

– Для меня, – спокойно ответил вампир. – Для вас. И для вашей леди. Не обманывайтесь, Джеймс, вы в самом деле играете со смертью. Однако пожелай я убить вашу леди или вас, я бы уже это сделал. Вы не представляете, сколь многих мне приходилось убивать. Вы бы просто не смогли остановить меня.

Испытав уже однажды момент психологической слепоты, Эшер был готов к нему и все же так и не уловил движения Исидро. Рука была всего в двадцати дюймах от спрятанного в ботинке ножа, когда Эшера швырнуло на спинку дивана, причем попытка вывернуться успеха не принесла. Обе руки каким-то образом оказались у него за спиной, и нечто вроде кольца из льда или стали сжало его запястья. Свободная рука вампира, обжигая холодом, схватила его за волосы и отогнула голову назад. Эшер чувствовал, насколько незначителен вес этого сухого костистого тела, но не мог найти точки опоры для сопротивления, да и поздно уже было бороться. Шелковистые ледяные губы скользнули по его выпяченному горлу вдоль распахнувшегося воротника (ни малейших признаков дыхания!), затем коснулись его кожи в насмешливом поцелуе, и в следующий миг Эшер был свободен.

Преодолевая боль в позвоночнике, не заботясь о собственной жизни и думая только о грозящей Лидии опасности, Эшер поднялся на ноги, но когда он выпрямился с ножом в руке, то обнаружил Исидро неподвижно сидящим за конторкой, как будто ничего и не случилось. Эшер моргнул и тряхнул головой, догадываясь, что опять имел дело с наведенным трансом, хотя до конца он в этом уверен не был.

Мягкие пряди волос Исидро коснулись бархатного воротника, когда он слегка склонил голову набок. Топазовые глаза испанца были серьезны.

– Я мог бы убить вас обоих, но вы же видите, у меня иные намерения, – мягко сказал он. – Я – мы нуждаемся в вашей помощи, и будет лучше, если я объясню вам все по пути в Лондон, а не при вашей даме, ради которой вы готовы продолжить ваши бессмысленные подвиги. Поверьте, Джеймс, я наименьшая опасность, с которой вам – или ей – предстоит бороться. Поезд отходит в восемь, и сейчас уже не те времена, когда общественный транспорт дожидался высоких особ. Так вы идете?

Глава 2

До железнодорожной станции было от силы десять минут ходьбы. Пробираясь в одиночестве по размытой осенним туманом Холиуэлл-стрит, Эшер жалел об одном: что нельзя растянуть этот путь хотя бы вдвое. Слишком уж мало времени было ему отпущено на то, чтобы осмыслить происходящее.

Исидро исчез, как только они переступили порог дома. Непринужденно растаял в тумане. Эшер пытался справиться с этим мгновенным затемнением сознания, позволяющим вампиру бесследно пропадать из виду, однако безуспешно. Немногие из бродячих сюжетов наделяли вампиров способностями растворяться в тумане, лунном свете или, скажем, проникать в дом сквозь замочную скважину. Хотя чего-то в этом роде следовало ожидать.

Обычные приемы охотников. Или шпионов.

Ночь была холодная. Эшер шел, вдыхая сырой тяжелый туман – не черный убийственный туман Лондона, а особенный, слезящийся, чисто оксфордский туман, от которого зеленеют стены зданий и камни обрастают мхом. Скульптурные бюсты перед театром Шелдона на Брод-стрит, казалось, провожали Эшера взглядами – компания блеклых призраков. Купол театра был растворен туманом. Вполне возможно, что Исидро бесшумно передвигается сейчас среди статуй, не оставляя следов на влажном граните брусчатки.

Хотя он мог следовать за Эшером и сзади, наблюдая, не замышляет ли его подневольный помощник повернуть с полдороги домой.

Впрочем, добром бы это возвращение не кончилось. Здравый смысл до сих пор бунтовал против мысли, что каких-нибудь полчаса назад Эшер имел беседу с живым вампиром... Живой вампир. «Оксюморон есть сочетание противоречащих по смыслу слов», – напомнил себе Эшер с кривой усмешкой. Противоречие, однако, носило чисто академический характер. Вампир существовал, и деться от этого факта было некуда.

Без сомнения, Эшер рисковал сейчас жизнью.

А Лидия...

Внезапное исчезновение Исидро невольно наводило на подозрения. Конечно, Эшер мог бы обыскать весь дом, но это тоже не принесло бы пользы. В туманном ночном саду легко укрылся бы даже сообщник из смертных. Что уж там говорить о тех, кто способен обманывать людское зрение! Уходя, Эшер ограничился тем, что развел огонь в камине и кухонной плите: иначе, как сказал Исидро, слуги проснутся от холода в течение получаса.

В любом случае Исидро знает, где живет Эшер. Если вампир сейчас следит за ним, то нет ни малейшего шанса вернуться домой и попытаться переправить Лидию в безопасное место.

И еще один чисто академический вопрос: какое место считать безопасным?

Эшер засунул руки в карманы мешковатого коричневого пальто и попытался припомнить все, что он знал о вампирах.

То, что это мертвецы, бесконечно продлевающие свое существование, выпивая кровь из живых людей, сомнению не подлежало (откусывание древнеримских носов можно опустить). Уже первая беседа Одиссея с тенями давала так мало отклонений от основной версии, что Эшер (мысленно, по крайней мере) удивился собственному неверию – вплоть до той секунды, когда он прижал стетоскоп к узкой и твердой грудной клетке, обтянутой черным шелком рубашки, и... не услышал ничего. Его фольклорные исследования, охватывавшие Китай, Мексику, Австралию, свидетельствовали, что фактически не было языка, в котором бы не присутствовал эквивалент слова «вампир».

Однако это основное положение тонуло в такой трясине легенд о том, как надлежит поступать с вампирами, что Эшер почувствовал раздражение при мысли об ученых, не удосужившихся кодифицировать все эти сведения. Видимо, придется подзаняться самому, если,

конечно, Исидро не пригласил его в Лондон ради ужина в тесной компании друзей. Лавки зеленщиков сейчас закрыты... Эшер усмехнулся, представив себя копающимся в ящиках с овощами в поисках чеснока... и в итоге опаздывающим на поезд. Кроме того, рецепты английской кухни таковы, что чеснок можно искать в лавках бесконечно долго.

Его ироническая усмешка исчезла, когда он приостановился на мосту, глядя в гладкую сланцевую воду, испятнанную огнями рыбного ряда, чьи серые стены вставали прямо из потока. Чеснок, по легенде, служит защитой от вампиров, равно как зола, осина, а также волчья ягода и прочие травы, которые Эшер просто бы не распознал, встретить он их по дороге. Однако сказано еще, что вампиры не способны пересечь текущую воду... которую Исидро явно пересек... Хотя он мог прибыть из Лондона в Оксфорд и поездом.

Еще от укуса вампира предохраняет распятие; некоторые легенды уточняют – серебряное распятие... И склонный к практицизму ум Эшера тут же задал вопрос: а сколь велико должно быть содержание серебра? Да, но подобно сказкам о католическом лимбе, эта теория оставляет беззащитными древних и современных китайцев, ацтеков, античных греков, австралийских бушменов, гавайских островитян – они-то распятием не пользуются. Хотя, может быть, древнегреческие вампиры боялись иных амулетов? И как в этом случае реагировали языческие вампиры первого столетия от Рождества Христова на христиан, отмахивающихся от них крестом? Откусывали они им носы или нет? Эшер иронически усмехнулся, обходя бессмысленную стеклянную громаду Лондонской станции и направляясь по Ботли-роуд к скромному закопченному кирпичному вокзалу Большой западной железной дороги, располагавшемуся в сотне ярдов отсюда.

Теперь он уже был не один на этой окутанной туманом мостовой среди безмянных кирпичных ям и навесов, что, кажется, размножаются сами собой вдоль железной дороги. Темные силуэты торопились от одной станции к другой, борясь с тяжелым багажом или праздно вышагивая впереди пыхтящих носильщиков с медными бляхами. Со стороны Лондонской станции угрюмо загудел паровоз, послышалось отдаленное шипение пара. Эшер оглянулся на огромную стеклянную теплицу вокзала и обнаружил, что рядом с ним странно невесомой походкой шествует дон Исидро.

В руке вампира, обтянутой черной перчаткой, был железнодорожный билет.

– Раз уж вы у меня на службе, – мягко сказал он, – то расходы я беру на себя.

Эшер заправил поплотнее концы шарфа – серого шерстяного кашне, связанного для него матерью одного из его буйных питомцев, – и сунул маленький кусок картона в карман жилета.

– Сюда, кажется...

Они взошли по пологому скату на платформу. В резком свете газовых фонарей лицо Исидро казалось белым и странным: тонкий очерк бровей резко выделялся на фоне бледных волос и еще более бледной кожи, глаза – цвета серы и меда. Сидящая на скамье женщина, возле которой пристроились две спящие девочки, встревоженно вскинула глаза, словно почувствовав что-то неладное. Дон Симон улыбнулся ей, и женщина поспешно отвернулась.

Улыбка вампира исчезла так же быстро, как и возникла, причем глаза его при этом несколько не потеплели. Подобно любому его жесту или выражению лица, улыбка Исидро была еле обозначена и скупа, как карандашный штрих. У Эшера складывалось впечатление, что все это лишь слабый отзвук манер молодого испанского придворного. Секунду Исидро изучал профиль женщины и белокурые головки спящих девочек, затем снова повернулся к Эшеру.

– С тех пор как Френсис Вальсингам разослал агентов в Женеву и Амстердам, дабы выведать планы вторжения короля Филиппа в Англию, ваши секретные службы традиционно связаны с ученым миром, – негромко сказал он. – Наука, религия, философия – когда-то все это было оружием, да и я в ту пору еще во многом мыслил как человек и искренне интересовался возможным исходом вторжения. Ученые тогда были воинами, а воины – учеными, не то что теперь...

В памяти возник директор Брейсноз-колледжа, давний коллега Эшера, досадующий относительно мелких стычек на Балканах, в то время как сам Эшер, чуть было не лишившийся в этих стычках жизни, с аппетитом поедая ячменные лепешки, уютно сидя по ту сторону камина и согласно кивая: да, Англии незачем лезть в европейскую политику, да, конечно, неблагодарное занятие... Он подавил улыбку и, не отвечая, прислонился плечом к закопченной кирпичной стене, скрестив руки на груди.

Выждав секунду, Исидро продолжал:

– Мой адвокат – молодой человек, готовый встретиться с клиентом даже в самый поздний час, – упомянул однажды, что, когда он работал в министерстве иностранных дел, зашел разговор о некоем оксфордском и нескольких кембриджских преподавателях, которые в свое время «хорошо поработали» – так он выразился. Это было несколько лет назад, но я запомнил – по привычке, да и просто из любопытства. Теперь же, когда мне потребовался... агент... найти вас не составило особого труда; достаточно было сопоставить географию ваших изысканий и районы наибольшей политической напряженности. Был, правда, еще один кандидат – чуть моложе вас, – но при ближайшем знакомстве он оказался тучным и близоруким. Словом, явное не то...

– Королевский секретарь, – вздохнул Эшер. – Да, он работал в Претории в те же годы, что и я. Пытался доказать дегенерацию мозга негроидов путем сравнительной анатомии. Сопляк, он так и не понял, насколько был близок к смерти.

Ироническая складка залегла на миг в уголках тонких губ Исидро и тут же пропала. Пыхтя, подползал поезд; клубящийся пар смешивался с туманом, на платформе замелькали смутные силуэты. Девушка с лицом, как из теста, спрыгнула с подножки вагона третьего класса прямо в объятия низенького и толстого юноши (с виду клерка), и они обнялись с восторгом, достойным рыцаря и принцессы. Толпа старшекурсников высыпала из зала ожидания, чтобы шумно попрощаться с ужасно смущенным стареньким преподавателем, в котором Эшер узнал лектора классической филологии из Сент-Джонс-колледжа. Взявшись за руки, озорники исполнили рождественскую песенку «Пока мы не встретимся снова», затем прижали к сердцу свои канотье. Эшеру не понравилось, с каким видом его спутник разглядывал их розовые лица. Слишком уж он в этот миг походил на повара, наблюдающего за играми ягнят на весенней ярмарке.

– Да, война была моей последней работой, – продолжил он, чтобы отвлечь на себя взгляд Исидро, пока они пересекали платформу. – Я... сдружился с некоторыми людьми в Претории, в том числе и с парнем, которого мне потом пришлось убить. Это называется Большой Игрой, но, как выяснилось, это далеко не игра. Я вернулся сюда, женился, написал работу о лингвистических заимствованиях из языков аборигенов. – Он пожал плечами, лицо его было теперь такое же бесстрастное, как у вампира. – Жалованье преподавателя невелико, но, во всяком случае, я могу пить с друзьями, не ломая при этом голову, насколько правдиво то, что они говорят.

– Вам повезло, – мягко сказал вампир. И после паузы добавил: – У нас купе первого класса, мы поедем в нем одни. Я присоединюсь к вам, когда поезд покинет станцию.

«В самом деле?» – подумал Эшер, с тревогой следя из-под вздернутой брови за тем, как вампир удаляется от него по платформе легким бесшумным шагом и темный шотландский плащ с капюшоном плещется у него за спиной.

В задумчивости Эшер отыскал свое купе, снял котелок, освободился от шарфа и принялся с большим интересом наблюдать за толпящимися на платформе, пока поезд не тронулся.

Светящееся облако над станцией осталось позади, поплыли в смутной мгле кирпичные строения и огни семафоров. Мелькнули подобно насмешливо-грозному предзнаменованию отблески на древних воротах старого кладбища, затем – коричневый шелк реки. Поезд миновал мост и был поглощен деревенской тьмой.

Эшер откинулся на потертый плюш дивана, когда дверь в купе скользнула в сторону и появился Исидро – странно изящный, как псы с кошачьими головами на древнеегипетских фресках. Его белокурые, нежные, как паутина, волосы мерцали от влаги в прыгающем свете газового рожка над головой. Изящным движением он сбросил темно-серый плащ, и все же Эшер хотел бы знать, как это донна Симона Исидро, пусть даже и в костюме, явно купленном на Бонд-стрит, принимают за человека.

Обхватив руками колено, Эшер поинтересовался небрежно:

– Так кого мы боимся?

Узкие руки в перчатках замерли на секунду, прерывая движение; шафренные глаза сузились; затем вампир отвернулся.

– Я был бы удивлен, если бы услышал сегодня, – продолжал Эшер, – что-нибудь о толпах с факелами и распятием. Но если кто-то прыгает в вагон в последний момент, значит, либо он следит за кем-то, либо за ним следят.

Секунду Исидро разглядывал его, тихий, как прежде, но чувствовалось, что тело его готово прийти в движение. Затем он, кажется, успокоился окончательно и, отложив плащ, опустился на сиденье.

– Нет, – промолвил он спустя некоторое время. – В этом как раз наша сила, что никто не верит в наше существование. Суеверия в этой стране не в почете. За долгие годы мы научились скрывать следы – прятать тела убитых или придавать происшествию черты несчастного случая. Попадают обычно только жадные и беспечные, да и то не всегда. По меньшей мере так было когда-то.

– То есть вас теперь больше?

– Конечно, – отвечал вампир.

Он сидел выпрямившись, словно на нем все еще был испанский придворный камзол, похожий на корсет. Привыкший судить о людях по мельчайшим подробностям их облика, Эшер успел определить, что серый костюм должен был обойтись Исидро в пятьдесят гиней, если не больше, что туфли сделаны на заказ, да и перчатки тоже.

«Впрочем, – сухо подумал он, – за несколько сотен лет даже минимальный вклад должен принести огромные проценты...»

– Два или три вампира (хозяйка с выводком) обитали когда-то в Эдинбурге, но Эдинбург – город маленький... Словом, где-то в конце семнадцатого столетия охотники за ведьмами обнаружили, где они прячут свои гробы. Кое-кто обитает сейчас в Ливерпуле, в этом тесном, грубом, зловонном рассаднике фабрик и трущоб, что разрастается на севере подобно раковой опухоли. – Исидро покачал головой. – Впрочем, это молодой город, и в нем не найти таких укрытий, как в Лондоне.

– Кто за вами охотится? – спросил Эшер.

Глаза цвета шампанского были устремлены мимо него.

– Мы не знаем.

– Я полагал, что с вашей властью...

– Мы тоже так полагали. – Вампир наконец повернулся к нему, голос его был холоден и ровен. – Что, впрочем, тоже ничего не решает. Кто-то убивает вампиров Лондона.

Эшер приподнял густую бровь.

– И что же в этом удивительного?

– То, что мы не понимаем, кто это делает.

– А люди, которых вы убивали, не знали, кто вы такие? – уточнил Эшер.

– Не обязательно, – отозвался вампир. – Но если бы за нами охотились друзья, или любовники, или члены семей убитых, заподозрившие истинные причины их смерти, они бы повели себя как всегда. Посещали бы места, где их любимые имели обыкновение встречаться со своим убийцей (ибо среди вампиров распространена практика нежной дружбы с будущей жертвой),

проводили бы дни на его могиле. Большинство из нас обладает хорошей памятью на лица, имена, детали – у нас было достаточно свободного времени, чтобы хорошо изучить людей. Обычно проходит несколько недель, прежде чем эти охотники на вампиров утвердятся в своем подозрении и исполнятся решимости.

– И тогда вы отделяетесь от них, как отделались от их друзей?

– Dios, нет! – Мгновенная улыбка снова тронула его губы, но в этот раз Эшер заметил насмешливые искорки в прозрачных глазах. – Дело в том, что время всегда работает на нас. Достаточно скрыться из виду, сменить места, где мы появляемся или спим, – на пять лет, на десять, на двадцать... Вы не поверите, насколько коротка людская память! Но теперь... – Он покачал головой. – Умерщвлены уже пятеро. Гробы их вскрыты, и солнечный свет превратил их тела в золу. Убийца действовал днем – иными словами, ни один вампир не смог оказать сопротивления или схватить убийцу. Собственно, это и побудило меня нанять вас.

– Нанять помощника, – медленно проговорил Эшер. – Почему именно меня?

– Сейчас объясню, – сказал Исидро. – Только, пожалуйста, не делайте такой вид, будто впервые слышите, что были в свое время наемным убийцей – когда получали жалованье от королевы. Чем, собственно, мы хуже вашей империи...

Это вполне могло быть риторическим вопросом, однако голос вампира остался ровным, и, кроме того, Исидро сделал паузу, ожидая ответа.

– Наверное, в том, что империя не вербовала меня и не шантажировала.

– В самом деле? – Последовало легкое движение брови – слабое эхо оживленной людской мимики. – Разве вы служили не из особой вашей английской сентиментальности, лелеющей влажные луга, оксфордские горизонты и даже протяжные диалекты ваших пейзажей? Разве вы не рисковали собственной жизнью и не отбирали чужие жизни ради того, чтобы «Англия оставалась Англией», как будто без пулеметов максим и субмарин она бы превратилась в провинцию Германии или Испании? И наконец – когда это перестало быть для вас существенным, – разве не отвернулись вы с отвращением от вашего прежнего занятия, подобно охладевшему любовнику?.. Нам нужен помощник, действующий одинаково успешно и ночью и днем, знакомый с мельчайшими нюансами легенд и в то же время владеющий искусством убийцы и шпиона. Что касается выбора людей, то мы полностью доверяем вкусу вашей бывшей королевы.

Эшер долго разглядывал собеседника в прыгающем свете газового рожка. Лицо Исидро было гладким, твердым, без морщин. Изящный, прекрасно одетый юноша сидел в непринужденной позе перед Эшером, и только глаза, хранящие знание о бесчисленных людских глупостях и грехах, совершенных за три с половиной столетия, не были глазами человека.

– Вы не все мне сообщили, – сказал Эшер.

– А министерство иностранных дел сообщало вам все? – возразил Исидро. – Вот что я вам скажу, Джеймс. Мы наняли вас и хорошо вам заплатим, но если вы нас предадите – словом или делом, – вы не найдете такого уголка на земле, где бы вы и ваша супруга Лидия смогли бы от нас скрыться. Надеюсь, вы верите мне. Это в ваших интересах.

Эшер скрестил руки на груди и откинулся на потертый плюш спинки дивана.

– В ваших тоже. Ночью вы могущественны, но днем вас до смешного легко убить.

– Да, – шепнул вампир.

На секунду его нежный рот отвердел. Затем это выражение (если это вообще было выражением) исчезло, и бледные глаза затуманились, словно древняя душа Исидро погрузилась в сон. Вагон потряхивало на стыках, молчание было пугающим.

Внезапно Эшер услышал нетвердые шаги в коридоре, хотя хождение по узкому проходу давно уже прекратилось. Дверь купе скользнула сама собой в сторону. В проеме темного дуба, освещенная газовым рожком, стояла та самая женщина, что сидела на платформе с двумя спящими девочками. Невидящие глаза ее были широко раскрыты.

Исидро молчал, но женщина, словно ее пригласили войти, закрыла за собой дверь и, осторожно ступая по качающемуся полу, приблизилась к вампиру и села рядом с ним.

– Я... я пришла, – запинаясь, проговорила она; глаза ее стекленели под тонкими прямыми ресницами. – Кто... почему?..

– Тебе незачем знать об этом, *bellissima*, – шепнул Исидро, касаясь узкой рукой в черной перчатке ее лица. – Совершенно незачем.

– Совершенно... незачем... – запинаясь, повторила она.

Старенькое красное платье, чистое, но явно несколько раз перелицованное. Плоская черная шляпа из соломки, шея обмотана фиолетовым шарфом. На вид женщине было не больше двадцати пяти лет (возраст Лидии), и, если бы не морщинки у глаз и в уголках рта, Эшер рискнул бы назвать ее хорошенькой.

– Все ясно, – отрывисто сказал он. – Вы пытаетесь продемонстрировать мне...

– Пытаюсь? – Изящные черные пальцы вынули деревянную шпильку, с помощью которой шляпка была прикреплена к узлу белокурых волос, и далее любовно принялись вынимать заколки. – Все эти дурацкие легенды совершенно умалчивают о нашем главном оружии. Что-то вроде месмеризма, как это теперь принято называть. А проще говоря – искусство овладевать сознанием людей и, в какой-то степени, животных. Хотя я не уверен, к какой категории следовало бы отнести это существо...

– Прикажите ей уйти! – Эшер обнаружил вдруг, что голос его вязок и невнятен.

Он сделал над собой усилие, как если бы пытался проснуться ранним туманным утром, когда смертельно не хочется покидать постель. Исидро внимательно наблюдал за ним из-под длинных, почти бесцветных ресниц.

– Она ехала в вагоне третьего класса вместе со своими дочерьми. – Вампир неторопливо размотал фиолетовый шарф и, позволив ему соскользнуть на пол купе, начал расстегивать дешевые целлулоидные пуговицы на блузке. – Но я бы мог вызвать ее откуда угодно, а не окажись ее в поезде, приказал бы явиться, скажем, на платформу Паддингтона, и, поверьте мне, Джеймс, она бы заняла денег и приехала. Вы мне верите?

Руки вампира, как черные пауки, разбежались в стороны, раскрывая воротник мятой дешевой блузки. Обнажились молочно-белая шея и грудь.

– Помните, как ваша жена и слуги уснули, стоило мне им приказать? Мы умеем это делать – я и мои друзья. Ваши домочадцы мне теперь известны. Поверьте, что все они явились бы на мой зов – эта ваша ломовая лошадь горничная, тощая миссис Граймс и тот лодырь, что исполняет у вас обязанности то ли садовника, то ли конюха. И они сознавали бы, что происходит, не больше, чем эта женщина. – Облитые в черную кожу пальцы легонько стукнули по незащитной коже.

В одолеваемом дремотой мозгу Эшера стоял беззвучный вопль: «Проснись! Проснись!» Но сознание его было странным образом как бы удалено от тела на огромное расстояние. Лязг колес становился все глуше, вагон покачивало убаюкивающе, и казалось, что купе, полураздетая женщина и вообще все случившееся сегодня после полудня, когда он растолковывал санскритские корни латыни старшекурснику, которого звали Пэттифер, было не более чем дурным сном.

– Бедное создание, но мы в основном питаемся именно бедными – с богатыми больше хлопот. – Свет газового рожка замерцал на обнажившихся клыках. – Так вы верите, что я могу проделать это с кем угодно? С вами и с любым, кто встретится со мной взглядом.

«Нет, – вяло подумал Эшер, пытаясь вынырнуть на поверхность из мутных темных глубин. – Нет».

– Нет!

Он заставил себя подняться и покачнулся, словно и впрямь только что проснувшись. Несколько секунд он чувствовал стальную мысленную хватку вампира и боролся с ней изо

всех сил. Но за время работы в министерстве иностранных дел Эшер научился в критические моменты как бы отстраняться от собственных поступков. В ту ночь, когда он застрелил беднягу Жана ван дер Плаца, он не почувствовал ничего. Как теперь. Может быть, именно это и заставило его выйти из Большой Игры.

Расчетливо, как тогда, когда он нажимал на курок, Эшер шагнул к женщине и, схватив за плечи, заставил ее встать. Прозрачные глаза Исидро следили за ним. Стараясь не встречаться с вампиром взглядом, Эшер вытолкнул женщину в коридор. Она двигалась легко, как лунатик. На маленькой площадке между вагонами их встретил сырой холодный ветер, и сознание стало проясняться. Эшер прислонился к косяку и, чувствуя странную дрожь во всем теле, подставил лицо обжигающим ледяным порывам.

Женщина вздрогнула. Ее руки – красные, потрескавшиеся, мозолистые, столь не соответствующие молочной белизне шеи, – нащупали расстегнутый воротник. Глаза наполнились тревогой. Она была испугана, потрясена, растеряна.

– Кто?.. Что?.. – Она отшатнулась от него к самым поручням, словно собираясь выброситься в летящую мимо ночь.

Эшер мгновенно принял облик безвредного, чудаковатого, чрезмерно предупредительного преподавателя колледжа, столь часто выручавший его за границей.

– Я увидел вас стоящей в коридоре, мадам, – сказал он. – Прошу извинить мою бесцеремонность, но моя жена имеет обыкновение ходить по ночам, и что-то в вашем поведении навело меня на мысль, что с вами происходит нечто подобное. Я заговорил с вами, и, когда вы не ответили, я понял, что мои предположения правильны.

– Я... – Она сгребла в горсть расстегнутый воротник; в кроличьих глазах – смущение, недоверие, страх.

Эшер продолжал тоном оксфордского ученого, филолога, ни разу в жизни не слышавшего про пулеметы и уж тем более не выкрадывавшего их чертежи из Берлина в вырезанной изнутри книге.

– Свежий воздух обычно приводил ее в чувство – мою жену, я имею в виду. Может быть, мне проводить вас в ваше купе?

Она потрясла головой и пробормотала:

– Нет... Благодарю вас, сэр... Я... Вы очень добры...

Судя по выговору (машинально отметил Эшер), женщина была родом из Корнуолла. Торопливо миновала узкий проход и скрылась в соседнем вагоне, ежась от холода и неловкости.

Эшер еще несколько минут стоял на площадке, и холодный ветер трепал его волосы.

Когда он вернулся в купе, Исидро там не было. Единственным свидетельством, что случившееся не приснилось, был валяющийся между сидений фиолетовый шарф. Эшер ощутил приступ гнева при мысли о том, где сейчас может обретаться вампир и с какой целью. Можно было, конечно, пробежать по всему поезду, крича, чтобы береглись вампиров. Но Эшер уже видел Исидро в деле и сознавал, как мало шансов у жертвы хотя бы увидеть своего убийцу. В третьем ли классе или в спальном вагоне мертвое тело спокойно доедет до самого Лондона никем не замеченным. А если его сбросить под колеса, то ни у кого даже не возникнет вопроса о причинах происшествия, равно как и о причинах отсутствия крови в жилах.

Впрочем, предупреди он пассажиров, особого проку это бы не принесло, если, конечно, не считать отправки самого Эшера в сумасшедший дом.

В бессильной ярости он рухнул на красное плюшевое сиденье и стал ждать возвращения донна Симона Исидро, прекрасно сознавая, что выполнит все, о чем попросит его вампир.

Глава 3

– Ее звали Лотта. – Мягкий голос дон Симона отдался под сырыми сводами подвала. – Она была одной из... – Вампир замялся, затем исправился: – Шляпницей, пока была жива.

Эшер не отказался бы узнать, что его спутник думает об этой Лотте на самом деле.

– Типичная представительница неимущих классов – вульгарная женщина, воровка, вдобавок проститутка. – Исидро помедлил, и у Эшера вновь сложилось впечатление, что вампир тщательно выбирает из своей огромной коллекции фактов те немногие, которыми он мог бы поделиться. – Но она была хорошим вампиром.

Эшер вздернул бровь и осветил потайным фонарем низкие каменные своды. Затененные ниши таили в себе гробы, арки проходов были украшены резьбой. Хайгейтское кладбище было не столько древним, сколько модным: место в нише стоило не менее сотни гиней, а в отдельные склепы с узкими, ведущими вниз лесенками по сторонам тройного ряда псевдоегипетских мавзолеев попасть было не легче, чем в усыпальницы некоторых городских церквей.

– А что это означает – быть хорошим вампиром?

Казалось, Исидро не услышал вопроса. Секунду испанец стоял неподвижно в тени ниши. Лицо его, обрамленное длинными бесцветными волосами, было непроницаемо. Затем он проговорил медленно:

– Склад ума, как мне кажется. Вы должны понимать, Джеймс, что суть бытия вампиров – это жажда жизни, нежелание умирать. Тот, в ком нет этой обжигающей жажды, этой воли, просто не выдержит... процесса... в течение которого живущий становится неумершим. А если даже и выдержит, то надолго его не хватит. Быть хорошим вампиром – значит быть осторожнее, быть все время начеку, применять все физические и психические возможности вампиров, словом, поддерживать то пламя, что питается радостью бытия... Лотта при всей ее вульгарности (а она доходила в этом до смешного) привлекала именно жаждой жизни. Даже я это чувствовал. Наше существование было для нее пиршеством.

Желтый свет фонаря скользнул по гранитным ступеням, ведущим наверх, в мрачную аллею, где и днем-то всегда царил зеленоватый сумрак, блеснул на металлической облицовке двери. Еще входя сюда, Эшер обратил внимание, что пыль и коричневая палая листва лежат на пороге не так густо, как везде. Обратил он внимание и на неприметную тропинку, ведущую вправо от склепа, – путь, которым по ночам уходила и возвращалась Лотта и по которому ее, надо полагать, в итоге выследили.

– Я так понимаю, что вы знали ее еще в те времена, когда она была живой?

– Нет. – Вампир скрестил руки на груди, почти не смяв при этом складок своего шотландского плаща.

Когда они покидали вагон на Паддингтонской платформе, Эшер заметил в свете газового фонаря, что меловое лицо Исидро порозовело, стало почти человеческим.

«Видимо, – с оттенком черного юмора подумал Эшер, – поужинал в поезде». О себе он так сказать не мог. Поэтому, пока Исидро нанимал кеб, он купил у старичка лоточника пирог с мясом и, вновь испытав острое чувство нереальности происходящего, закусил прямо в экипаже в компании сидящего рядом вампира. Исидро предложил сразу возместить стоимость покупки, но Эшер попросил просто внести эту сумму в счет.

– Так, стало быть, это не вы сделали ее вампиром?

Либо он уже привык к скупой мимике Исидро, либо испанец все-таки относился к убиенной вампирше с некоторым презрением.

– Нет.

– Тогда кто?

– Один из лондонских вампиров.

– Помнится, вы собирались снабдить меня некоторой информацией, – заметил Эшер, поворачиваясь к Исидро.

– Вам совершенно незачем знать ни кто мы такие, ни где нас искать. Чем меньше вы знаете, тем меньшей опасности будем подвергаться все мы, включая вас.

«Они убьют меня, когда все кончится», – подумал Эшер, взглянув в это холодное – без возраста – лицо, освещенное лучом керосинового фонаря. Что ж, вполне логично. Недаром Исидро говорил, что главное оружие вампиров – это неверие людей в их существование. То ли они считают Эшера дураком, то ли полагают, что могут следить за каждым его шагом. Гнев шевельнулся, как свернувшаяся кольцами змея.

Однако сильнее гнева было некое смутное ощущение, что ему предложена головоломка, обе части которой явно не могут совпасть, как ты ее ни крути.

Он вернулся к нише, откуда явственно тянуло свежей гарью, и поднял фонарь повыше.

Стоящий на невысоком постаменте гроб, несомненно, был изготовлен недавно, хотя и потерял уже девственный лоск. Крышка была снята и прислонена к стене рядом с нишей. Многочисленные царапины на каменном полу, вполне различимые в свете фонаря, говорили о том, как именно гроб волокли к выходу, а затем обратно.

Он переместил фонарь пониже, осветив саму нишу. Жар раскаленного металла проник сквозь рукав и перчатку, запах горящего керосина щекотал ноздри. Первой мыслью Эшера было: какой же температуры должно достичь пламя, чтобы вот так выжечь скелет дотла, оставив отчасти лишь череп и таз! Длинные кости ног и рук сплавилась в утолщенные на концах прутики, позвонки напоминали гальку, ребра обратились в обгорелые хрупкие палочки. Среди пепла поблескивал металл: детали корсета, пуговицы, стальной гребень, ожерелье.

– Это то, что с вампиром делает солнце?

– Да. – Лицо Исидро было словно изваяно из алебаstra.

Эшер посветил вокруг постамента. Плесень, грязь, сырость.

– Даже не сделала попытки выбраться из гроба.

– Я не уверен, что она могла проснуться от ожогов. – Вампир скользнул к Эшеру и встал рядом, глядя через его плечо в полный золы гроб. – Перед рассветом нас одолевает изнеможение. Мы засыпаем и пробуждаемся лишь после того, как наступит ночь.

Эшер поднял из гроба спекшуюся деформированную кость, сдул с нее пепел и поднес поближе к свету.

– Взрывом так тоже не оплавить...

– Это не взрыв, – негромким ровным голосом поправил Исидро. – Это горение, распад, выжигание плоти...

Эшер бросил кость обратно и выудил другую. Если учесть все убийства, совершенные Лоттой, ее останки не заслуживали особого уважения.

– За какое время это происходит?

– Не имею ни малейшего понятия, поскольку, сами понимаете, никогда при этом не присутствовал. Но, исходя из собственного опыта, могу засвидетельствовать, что действие солнечного света происходит мгновенно.

Вскинув голову, Эшер на секунду взглянул в завораживающе глубокие, светлые, как хрусталь, глаза Исидро.

– Мне, как видите, посчастливилось найти укрытие в течение какой-нибудь секунды, поэтому я не знаю, за какое время солнце убило бы меня. Но от ожогов я страдал несколько месяцев, шрамы же не сходили несколько лет. – Помолчав секунду, вампир добавил: – А боли такой я и живым не испытывал.

Некоторое время Эшер изучал стройного юношу, танцевавшего когда-то с дочерьми Генриха VIII.

– Когда это было?

Тяжелые веки слегка опустились.

– Давно.

Наступило молчание, нарушаемое слабым шипением жестяного фонаря и дыханием Эшера. Затем Эшер снова повернулся к раскрытому гробу и принялся копать в обугленных костяных обломках.

– Итак, она не почувствовала, что крышка снята, несмотря на все возможности вампиров. Я немного удивлен: обивка не повреждена, то есть Лотта даже не пыталась сесть...

Рука Исидро в черной перчатке легла на угол гроба рядом с лицом Эшера.

– Сон вампира отличается от человеческого, – мягко заметил он. – Мои друзья думают, что наши ментальные способности утомляют мозг. Сам я полагаю, дело в том, что в отличие от людей мы существуем исключительно благодаря силе воли. Но так или иначе, а Лотта не проснулась.

– Или, может быть, – сказал Эшер, поднимая из обугленной груды маленький осколок кости, – она была уже мертва, когда плоть ее воспламенилась.

Вампир иронически улыбнулся:

– Когда ее плоть воспламенилась, Лотта была мертва уже сто шестьдесят лет.

Эшер рассматривал обломок в луче фонаря.

– Осталось немного, но царапины видны отчетливо. Это один из шейных позвонков, ее голова была отрублена. А рот мог быть набит чесноком...

– Обычное дело...

– Но не в тысяча девятьсот седьмом году! – Эшер установил фонарь на угол гроба и достал из кармана платок – обтереть обугленный позвонок. – Это означает, помимо всего прочего, что убийца проник в склеп, открыл гроб, отделил голову и лишь после этого открыл дверь, дабы дневной свет уничтожил плоть. Иными словами, он знал, что делает. Я полагаю, Лотта не первая жертва?

– Нет, – сказал Исидро, бесстрастно глядя поверх плеча Эшера, в то время как тот вновь принялся просеивать золу, украшения и деформированные кости.

Шафранный свет играл на гранях драгоценных камней и краях закопченного металла. Пальцы Эшера раскапывали, отбрасывали, ища некую вещь, которой здесь просто не могло быть.

– Другие жертвы тоже были найдены обезглавленными? Или с пронзенным сердцем?

– Не имею понятия. Найденные тела были сожжены солнцем точно так же. Это существенно?

– Это могло бы открыть нам – особенно состояние первого найденного вами тела, – знал ли убийца изначально, что ему надлежит делать с вампирами. С настоящими вампирами, а не просто с сумасшедшими, которые спят в гробах.

– Я понимаю.

Эшер не отказался бы узнать: может быть, он и в самом деле видит с закрытыми глазами? Что-то, несомненно, видит...

– А у вас у самого есть какая-либо версия?

– За версии я плачу вам.

Эшер раздраженно скривил рот.

– Есть вещи, которые вы мне не сообщили.

– Множество вещей, – спокойно согласился вампир, и Эшер, вздохнув, решил не настаивать.

– Она играла со своими жертвами?

– Да. – В голосе вампира скользнуло отвращение. («Вульгарная кокни, – подумал позабавленный Эшер, – едва ли была по вкусу благородному идальго и придворному Филиппа II».) – Она любила богатых молодых людей. Она могла играть с ними неделями, встречаясь

с ними, позволяя им приглашать себя на ужин (есть она там, конечно, не ела – достаточно было иллюзии), в театр, в оперу – и вовсе не потому, что понимала хоть что-нибудь в музыке, как вы сами догадываетесь. Она не могла питаться ими постоянно и, подобно нам всем, существовала за счет неимущих классов. Но ее радовала мысль, что эти глупые юнцы развлекают свою убийцу, а то и влюбляются в нее. Ей это доставляло удовольствие. Она смаковала ужас, возникавший в их глазах, когда они наконец видели клыки. Многие вампиры так поступают.

– И вы тоже?

Дон Симон отвернулся. Искорка неудовольствия мелькнула в его глазах.

– Когда-то и я тоже. Вы уже закончили осмотр?

– На сегодня – да. – Эшер выпрямился. – Я могу вернуться сюда днем. Тогда будет больше возможностей осмотреть все как следует. Где были ее апартаменты?

Исидро колебался, но Эшер настаивал:

– Она бы не могла нанизывать поклонников, как бусы, в течение ста лет, не меняя при этом наряда.

И он предъявил вампиру ключ, найденный им в золе.

– Да.

Исидро бесшумно скользнул к выходу и поднялся по ступеням, пока Эшер закрывал окочеванную железом дверь подземелья.

Земля за порогом была сплошь покрыта палой листвой. Тридцать лет прошло с тех пор, как семейство Бранхэймов благополучно вымерло, предоставив фамильную усыпальницу к услугам ныне покойной Лотты. Ночной воздух был тих и влажен. Плащ облекал стройную фигуру вампира, напоминая совершенством складок мраморные одеяния статуй. Капюшон плаща был откинут, но глаз Исидро видно не было – глазные впадины заливала густая тень.

– Лотта принадлежала к тому сорту женщин, которым понятие вечности представляется в виде бесконечного гардероба... Я побывал у нее вчера, когда обнаружил... это. – Исидро указал на усыпальницу.

Эшер тем временем задвинул заслонку фонаря и в полной темноте двинулся по влажной, закутанной в туман аллее между двумя рядами гробниц. Стальные пальцы вампира взяли его за локоть, направляя беспомощного спутника в непроглядный мрак. Эшер понимал, что, пока он нужен Исидро, опасность ему не грозит, но на будущее решил пореже попадать в подобное положение.

– Как случилось, что вы это обнаружили? – спросил он, когда они, миновав аллею, направились к массивным воротам кладбища. – Вы же утверждаете, что не поддерживали отношений с Лоттой. Зачем вам понадобилось приходить в ее склеп?

– Чувствую, что я успел попасть под подозрение. – Взгляд дона Симона был откровенно насмешлив. – Я невиновен, милорд. Как это принято говорить в романах, в момент преступления я был у себя дома и крепко спал.

Эшер невольно усмехнулся:

– А свидетели у вас есть?

– Увы, нет. По правде говоря, – продолжал Исидро, – я был встревожен уже тогда. Вампир по имени Валентин Кальвар, француз, не показывался две-три недели подряд. Я подумал, что его поразил какой-то недуг. Кальвар недавно появился в Лондоне (по нашим, разумеется, понятиям), плохо знал расположение возможных укрытий и вообще условия городской жизни. От этого легко впасть в депрессию, почему, собственно, вампиры и не любят путешествий. – Складывалось впечатление, что Исидро собирался сообщить еще кое-что о вампире Валентине Кальваре, но потом передумал и просто продолжил: – Я думаю теперь, что он-то и был первой жертвой, хотя ни тела, ни выгоревшего гроба мы так и не нашли. Впрочем, никто из нас не знал, где он спит... Но восемнадцать дней назад одна... моя приятельница... пришла сказать мне, что убит еще один вампир – наш общий друг. Она была испугана, хотя такое могло про-

изойти и случайно. Многие наши укрытия, располагавшиеся в древних подвалах, были взломаны, когда строили метрополитен. Кстати, этот вампир (его звали Дэнни Кинг) спал как раз в таком подвале. Кто-то вскрыл окна и снял крышку с гроба.

В лунном свете, просеивающемся сквозь туман, лицо Исидро было тихим и отстраненным, как лица выступающих из кладбищенского мрака статуй. Тесная, как каньон, сжатая стенами склепов аллея окончилась обсаженной деревьями лестницей. Вампир на минуту умолк, стальные пальцы, придерживавшие Эшера за локоть, разжались.

– А спустя десять дней Лотта и ее друзья сказали мне, что посетили жилище вампира Эдварда Хаммерсмита, обитавшего на Хаф-Мун-стрит в особняке, который принадлежал еще его отцу (когда тот был жив), и обнаружили, что ставни открыты, а гроб наполнен золой и костями. Так об этом узнал я.

– И ни Кинг, ни Хаммерсмит даже не сделали попытки выбраться из гроба?

– Нет, – сказал Исидро. – Но с момента смерти Кальвара убийца понимал, за кем он охотится.

– Вопрос в том, – заметил Эшер, – знал ли он это раньше.

– Мы уже думали над этим. Вряд ли кто-то выслеживал нас по-людски – медленно, никак не решаясь поверить, что его близкие стали добычей вампира. Это ведь только благодаря совпадению муж героини любопытного романа мистера Стокера замечает вампиров, охотящихся за женой и ее другом, да еще и делает правильное умозаключение. Большинство людей до этого не додумываются. Даже когда вампир беспечен и факты говорят сами за себя, человек предпочитает «логическое объяснение»... Я нахожу типичным, – добавил он, когда они вступили в гулкий мрак крытой террасы с кирпичными склепами и мраморными досками на скромных памятниках, – что вампиризм изображается как зло, пришедшее в Англию откуда-то извне и совсем недавно, словно коренной британец вампиром стать не может. Мистеру Стокеру, видимо, и в голову не приходило, что вампиры могут обитать и в Лондоне.

Кладбище они покинули, одолев стену неподалеку от церкви Сент-Майкл, причем Исидро подсадил Эшера, а потом уже легко вскарабкался сам. Туман сгустился еще больше, когда они двинулись вдоль кладбищенской стены вниз по Хайгейтскому холму. Смутный желтый свет фонаря (свидетелей можно было уже не опасаться) мерцал на влажных сорняках и паутине в придорожных канавах, как мерцал недавно на драгоценностях в наполненном пеплом гробу. Дыхание Эшера клубилось, смешиваясь с туманом. Он покосился на Исидро. Ни клочка пара не исходило из тонких губ вампира, даже когда он говорил.

– Давно ли вампиры обитают в Лондоне? – спросил он, и дон Симон бросил на него быстрый взгляд искоса.

– Давно, – ответил он, словно хлопнул дверью.

Остаток пути они провели в молчании. Позади них в тумане на колокольне Сент-Майкла ударил колокол. Без пятнадцати двенадцать. Склон Хайгейтского холма и окраинные улицы внизу были пустынные. Лавки и дома смутно проступали из медленно клубящегося тумана среди тусклых желтых пузырей газового света.

– Я уж думал, вы, парни, не вернетесь, – непочтительно начал было кебмен, выбираясь из-под груды запасной одежды, и Исидро, изящно наклонив голову, вручил ему десятишиллингую бумажку.

– Примите мои извинения. Я надеюсь, это не причинило вам неудобств?

Кебмен уставился на деньги, затем быстро коснулся краешка шляпы:

– Что вы, сэр! Вовсе нет!

Дыхание его отдавало джином, как, впрочем, и воздух в кебе. «Холодная ночь», – фило-софски отметил Эшер, забираясь в экипаж.

– Албемарл Креснт, Кенсингтон, – сказал Исидро в окошечко, и кеб затрясся по мостовой. – Наглец, – добавил он мягко. – Но ссориться со слугами – последнее дело. К сожалению, прошли те времена, когда я мог приказать его высечь.

Он повернулся к Эшеру в профиль и устремил взгляд во тьму.

Албемарл Креснт оказался рядом домов, выдавших когда-то лучшие дни, хотя некоторые из них и сейчас очаровывали поблекшей красотой подобно изношенному наряду герцогини в лавке старьевщика. В это время суток здесь было очень тихо. Стоя на мостовой среди тумана, становившегося все гуще по мере приближения к реке, Эшер не слышал ни звука. В Оксфорде в этот час преподаватели бы еще бодрствовали, споря о метафизике или текстуальном критicisme, студенты устраивали бы вечеринки или сновали по улицам в развевающихся университетских мантиях, а жители других районов Лондона, как имущие, так и неимущие, традиционно беседовали бы с бутылкой. Здесь же клерки, юные приказчики и благонамеренная часть рабочего класса держались замкнуто, много работали, рано вставали и почти не интересовались тем, что происходит вокруг.

Исидро стоял рядом, глядя сквозь туман на смутно видимый ряд террас.

– Сейчас мы можем войти, – шепнул он. – Я усыпил их так, что моих шагов они не услышат, но за вас я поручиться не могу. Поэтому ступайте тише.

Комната Лотты располагалась на втором этаже. Весь первый этаж пропах застарелым кухонным чадом и пивом. Чтобы не привлекать внимания, фонарь они погасили у порога. Темнота была кромешная, и Исидро вновь пришлось исполнить роль поводыря. Старомодный, с длинным стволom ключ, найденный среди золы, действительно подходил к двери. Заперев ее изнутри, Эшер достал из кармана потайной фонарик и зажег его.

Яркие цвета, усиленные сиянием газового пламени, жгли глаза. Комната была завалена платьями, туфельками, пеньюарами, безделушками, шальями, кружевами, оперными программками и карточками. Все громоздилось как попало, скрывая дешевенькую обстановку комнаты, напоминающей грим-уборную актрисы. Здесь были вечерние туалеты: алые, оливковые, золотистых оттенков, идущих только определенному типу блондинок; замшевые оперные перчатки, запятнанные старой кровью, и веера – из лебединых перьев или разрисованного шелка. Украшенные сапфирами двойные браслеты, ожерелье, серьги и гребень, беспечно брошенные в скомканный черный шелк на столике красного дерева, брызнули искрами света, когда тень, отбрасываемая Эшером, их миновала.

В спальне царил еще более ужасающий беспорядок. Три гигантских гардероба неясно вырисовывались над огромной кроватью, на которой, казалось, никто никогда не спал. Их полуоткрытые двери отвисали под тяжестью наброшенных сверху одеяний. Прочая одежда была свалена прямо на кровати: сверкающая мешанина оборок, в которой, как личинки в тухлом мясе, мерцали жемчуга; узкие, с высокими талиями шелковые платья, какие носили полвека назад, и еще более древние одеяния, густо расшитые бусами, рвущиеся под собственной тяжестью, стоило Эшеру приподнять их с пола. Косметика, парики (большой частью светлые) на столике с зеркалом в раме, под которую были засунуты многочисленные карточки, записки, счета. Рядом с кроватью Эшер высмотрел старые туфли, широконосые, с квадратными каблукками – на массивной пряжке сверкнул драгоценный камень; ленты – когда-то синие – выцвели до блеклой серости. Золотые соверены, рассыпанные в углу стола, были покрыты пылью. Подобрав монету, Эшер увидел на ней профиль неудачливого короля Георга.

– А деньгами ее снабжали поклонники? – спросил он негромко. – Или она имела обыкновение грабить их сразу после убийства?

– И то, и другое, я полагаю, – отозвался Исидро. – Да ей много денег и не требовалось. Только платить за жилье, где бы она могла хранить свои вещи. Но конечно, она бы никогда не рискнула спать здесь. У квартирной хозяйки обязательно бы возникли вопросы. И первый, естественно: почему днем ставни наглухо закрываются?

– Поэтому кладбище Хайгейт, – пробормотал Эшер, беря со стола счет от портного и разглядывая его сначала с одной стороны, потом с другой.

– Пристрастие вампиров спать среди мертвых, – сказал Исидро, стоявший у двери, скрепив руки на груди, – происходит вовсе не от любви к трупам (хотя я слышал, что многие вампиры так называемых готических времен почитали это чуть ли не своей обязанностью), а просто потому, что в склепы нет доступа солнечному свету. А какие-либо ночные встречи опасности не представляют.

– Я думаю, – заметил Эшер. – Особенно если кто-нибудь затеет ограбление могилы. – Он сосредоточенно сортировал карточки, записки и приглашения, которые вынимал из-за зеркала, складывая их в старомодный, шитый бисером ридикюль, с тем чтобы ознакомиться с ними подробнее на досуге. – А вы, как я понимаю, живете на проценты с банковских вкладов?

– Это не должно вас интересовать.

Эшер выдвинул ящик столика. Запах древней пыли и истлевшей бумаги защекотал ноздри. Ящик был заполнен желтыми хрупкими счетами, письмами, набитыми в распухшие конверты с неразборчивыми рукописными пометками взамен марок или штампов и бумагами давно лопнувших банков.

– Меня интересует, как я получу деньги для предстоящих розысков.

Исидро разглядывал его несколько секунд из-под припущенных ресниц, словно размышляя, в самом ли деле Эшера интересует именно это. Затем повернулся и принялся вытряхивать на столик содержимое ридикюлей различных эпох, стилей и степени сохранности. Он высыпал пачки банкнот или выплескивал струйки золота или серебра так, словно уже само прикосновение к деньгам было ему отвратительно.

«Истинный идальго времен Реконкисты, – подумал Эшер, позабавленный зрелищем. – Провести три с половиной столетия среди торгашей и промышленников – и нисколько не измениться!»

– Этого достаточно?

Эшер порывлся в деньги, выбирая банкноты не более чем двадцатилетней давности, а из золота взял только монету с профилем Георга III – как сувенир.

– Теперь следующее, – сказал он. – Поскольку Лотта была четвертой по счету, то вряд ли убийца начал свои исследования с нее, хотя, может быть, что-нибудь обнаружится в этих бумагах – имя последней жертвы, адрес, что-либо еще. Я бы хотел осмотреть комнаты других – Кальвара, Кинга и Хаммерсмита, – а также побеседовать с друзьями Кинга, о которых вы упоминали...

– Нет.

– Как хотите, – сухо сказал Эшер, выпрямляясь и задвигая ящик. – Только не ждите в этом случае, что я найду убийцу.

– Вы найдете убийцу, – отрезал Исидро, и голос его был смертельно тих. – И найдете вы его быстро, до того как он убьет еще кого-нибудь. В противном случае вы подвергнете себя и вашу леди серьезной опасности. То, что вы хотите знать, не имеет никакого отношения к вашим поискам.

– Ни вы, ни я не знаем пока, что имеет отношение к моим поискам! – Эшер почувствовал приступ бешенства, как в те дни, когда чины из министерства иностранных дел, понятия не имевшие об условиях, в которых приходилось работать, требовали от него немедленных результатов. На секунду ему захотелось взять Исидро за худое горло и встряхнуть – не только из страха за Лидию, но и за приказ делать кирпичи без соломы. – Если уж я согласился выполнить то, о чем вы просите, то будьте добры сообщить мне...

– Я сообщу вам то, что сочту нужным. – Вампир не шевелился, но Эшер чувствовал, что тот готов ударить и что удар этот будет неотразим и, скорее всего, смертелен. Ничего не изменилось в голосе Исидро, холодном и вялом, как яд. – Я предупреждаю вас снова: вы играете

сейчас со смертью. Установленные мною ограничения служат как вашей, так и моей безопасности. Постарайтесь не нарушать их... Поймите меня, Джеймс, ибо я вас понимаю. Я понимаю, что вы намерены работать на меня до тех пор, пока не найдете способа безнаказанно меня уничтожить. Меня и всех мне подобных. Далее. Я мог бы подыскать человека достаточно тупого и достаточно продажного, который бы даже не поинтересовался, кто я такой. Я бы просто приказывал ему: найди мне то, найди мне это, а результаты представь сегодня. И он бы не задавал никаких вопросов. Но это, к сожалению, не выход. Щит не делают из мягкой древесины, для этого выбирают самые твердые породы. Хотя, конечно, с ними больше хлопот.

Они молча глядели в глаза друг другу посреди комнаты, заваленной скомканными шелками и напоенной древними благовониями.

– Я бы не хотел, чтобы вы появлялись в Оксфорде.

– Я бы тоже не хотел этого, – сказал Исидро. – Кем бы ни оказался убийца, я не выведу его на вашу леди. Снимите в этом городе комнату, и я вас найду. Для тех, кто охотится в ночи, это не проблема. Хорошенько запомните это – хотя бы на тот случай, если, найдя убийцу, вы решите заключить с ним союз.

– Я запомню, – тихо заверил его Эшер. – Но и вы запомните: если вы или ваши друзья-вампиры меня убьют, то проблемы у вас так или иначе возникнут. А если вы будете играть нечестно, скажем, попытаетесь взять заложников, у вас возникнут проблемы куда более серьезные. Если вы меня убьете, вам придется искать кого-нибудь другого. А если нет, то вы в руках у меня, а я у вас. Я-то теперь знаю о вашем существовании...

– А кто вам поверит?

– Это несущественно, – сказал Эшер. – Главное, что знаю я.

Глава 4

– Как бы ты исследовала частную жизнь женщины, живущей убийствами последние сто пятьдесят лет?

Лидия Эшер помедлила, держа в руках завернутые в носовой платок фрагменты костей, затем понимающе кивнула. Длинные рыжие волосы падали на ткань ночной сорочки, туманный серый день отражался в стеклах очков. Все-таки Лидия скорее напоминала нескладную тоненькую школьницу, нежели доктора. Эшер вытянул ноги в домашних шлепанцах и пристроил их на спинку кровати.

– Она должна была приобрести сотни потенциальных врагов.

– Я бы сказала – тысячи, – поправила Лидия после недолгих мысленных подсчетов. – Около пятидесяти тысяч, если она убивала каждую ночь. Триста шестьдесят пять на сто пятьдесят...

– Вычти периоды, когда она сидела на диете. – Усы Эшера вздернулись в улыбке, но Лидия заметила, что глаза его при этом не повеселели.

Внизу раздавались еле слышные шаги – Элен обходила комнаты, гася газовые рожки. Краем уха Лидия улавливала приглушенный грохот посуды, свидетельствующий о том, что завтрак уже готовится.

Когда все они очнулись от таинственного сна холодной ночью, Элен пыталась настаивать на ужине, но Лидия отправила всех в постель. Меньше всего ей хотелось бы иметь дело с разыгравшимся воображением горничной, истерикой кухарки и чудовищной восприимчивостью девчушки, не говоря уже о том, что и сама она была растеряна. Что Джеймс заходил домой, Лидия установила, исходя из того факта, что огонь был разожжен. Однако зачем он разобрал свой револьвер и оставил на конторке нож, который прятал в ботинке, полагая, что Лидия об этом не знает, – этого она постичь не могла. Остаток ночи Лидия провела, копаясь в медицинских журналах (в ящике под кроватью их у нее была целая кipa, поскольку в книжные шкафы они не вмещались), выискивая описания подобных случаев и отмечая статьи, подводящие научную основу под легенду о Спящей красавице. Под утро вздремнула среди раскрытых номеров «Ланцета», но сновидения ее были тревожны. Она то и дело просыпалась, ожидая увидеть посреди комнаты стройного молчаливого незнакомца...

– Я так не думаю, – сказала она мужу и, отбросив облако нарукавных кружев сорочки, поправила очки. – Как это вампир может сесть на диету? Кровь не содержит жиров.

Скрывая улыбку, Эшер склонил лицо над чашкой кофе. Лидия пребывала в сосредоточенной задумчивости. Затем развернула носовой платок и принялась изучать у светлеющего окна два найденных Джеймсом позвонка. Третий и четвертый шейные, сильно обожженные и странно деформированные, но, как и предупреждал Джеймс, царапина на кости была хорошо различима.

– Видимо, ткани восстанавливаются у них по-другому, – продолжила она, смачивая палец, чтобы стереть сажу с позвонка, – если ожоги донна Симона не заживали в течение нескольких лет. Хотелось бы знать, чем вызвана такая реакция. Хотя существуют описания спонтанного сгорания обычных людей, если это, конечно, были люди. Ты осмотрел обивку гроба? Она тоже выгорела?

Эшер сдвинул густые брови и прищурился, пытаясь вызвать в памяти все детали. Он не имел специального медицинского образования, но Лидия знала, что муж ее весьма внимателен к мелким подробностям, которых другие просто не видят. В конце концов, эта способность не раз спасала ему жизнь.

– Во всяком случае, не вся, – чуть помедлив, сказал он. – Обивка дна испятнана и проедена, а с боков обуглилась лишь там, где непосредственно соприкасалась с телом. А вот одежда, плоть, волосы – все сгорело полностью.

– Цвет пятен?

– Трудно сказать, я осматривал при свете фонаря, – покачал он головой.

– Хмм...

Она задумалась, потом встряхнула и сдвинула поудобнее подушки, взбив вокруг себя пену кружев, затем принялась искать лупу, с помощью которой собиралась внимательно перечитать собственные записи, сделанные в анатомичке.

– На ночном столике? – с надеждой предположил Эшер.

Лидия схватила увеличительное стекло и тщательнейшим образом осмотрела третий шейный позвонок.

– Это было сделано одним ударом. – Она протянула ему лупу, и он в свою очередь изучил обломок кости. – С помощью чего-то очень острого, например хирургического ножа. Чего-то такого, что может рассечь кость. Тот, кто использовал подобное орудие, знал, как с ним обращаться.

– И был достаточно хладнокровен, чтобы отсечь голову женщине, – задумчиво добавил Эшер, откладывая кость в сторону. – Хотя он уже убил перед этим трех вампиров. Каким бы образом он ни открыл сам факт их существования, но потрясение от открытия он пережил успешно, после чего, видимо, решил, что вампиры должны быть уничтожены.

Джеймс развязал выцветшие ленты и раскрыл ридикюль, ответивший сухим трещащим шорохом старого шелка.

– Его могла убедить в этом только смерть близкого человека.

Не услышав ответа, Лидия оторвалась от изучаемой кости и подняла голову. То, что она увидела в глазах мужа, словно выжженных воспоминаниями этой ночи, заставило ее сердце сжаться – точь-в-точь как в детстве, когда, проснувшись однажды среди ночи, четырехлетняя Лидия увидела в своей комнате большую крысу, замершую как раз между кроватью и дверью.

– Да, конечно, – медленно проговорил Эшер, – если причина убийств была только в этом. Думаю, здесь кроется что-то еще, но пока не знаю что. Если верить Исидро, вампирам ничего не стоит предупредить замыслы человека.

– Если верить Исидро! Возможно, он просто морочит тебе голову, чтобы ты не совался куда не надо. – Лидия погрозила изящным пальчиком и прошепелявила с детской гримаской: – Не троз меня, а то полутис – я все вижу!..

– Ты не видела его в деле. – Глаза Джеймса смягчились, когда он усмехнулся своим словам. – Тем более что увидеть Исидро в деле довольно трудно... Нет. Я ему верю. Острота ощущений у него – сверхъестественная: по звуку дыхания он может определить количество пассажиров в поезде, может видеть в темноте... И тем не менее нервничает, все время к чему-то прислушивается. Так обычно ведут себя люди, подозревающие, что за ними слежка. Он явно испуган, хотя и старается скрыть это.

– Может быть, правильно делает, – заметила Лидия. Она помедлила, уставившись на оплавленный позвонок, и наконец спросила по возможности небрежно: – А какая опасность грозит мне?

– Думаю, что большая.

Джеймс приподнялся и сел на подушках. Крепкая мускулистая рука его по-прежнему обнимала Лидию за плечи. Когда-то ее сильно раздражала мелочная опека матери, а чрезмерная предупредительность поклонников просто выводила из себя – все они считали ее ребенком, хрупким и беспомощным. Но с Джеймсом было почему-то приятно ощущать себя беззащитной и прижиматься к его плечу, чувствуя тепло его крепких мышц под скромным твидовым жилетом, пропахшим чернилами, книжной пылью и бриолином. Даже сейчас, хотя Лидия и

понимала прекрасно, что перед нынешней опасностью Джеймс так же беспомощен, как и она сама, ей показалось на секунду, что он сумеет ее защитить. Его губы коснулись ее волос.

– Я собираюсь снова отправиться в Лондон, – спустя несколько минут сказал он. – Буду искать убийцу и заодно собирать информацию о лондонских вампирах. Если я выясню, где они спят, где хранят свои вещи и где охотятся, это может обернуться неплохим оружием против них. Думаю, тебе лучше остаться в Оксфорде...

– Да уж конечно! – Она резко вывернулась из его рук. – Я поеду в Лондон с тобой. Нет, поедем мы, конечно, по отдельности, – торопливо добавила она, пользуясь тем, что муж на секунду утратил дар речи. – Иначе они могут заметить нас вместе, а это опасно. Но я могу снять комнату неподалеку от твоей и помогать тебе, если понадобится...

– Лидия!..

Их глаза встретились. Из последних сил она удерживалась, чтобы не взмолиться: «Не оставляй меня!», из последних сил старалась не выказать страха.

– А это понадобится, – заверила она, упрямо вздернув маленький подбородок. – Если ты собираешься искать убийцу вампиров, у тебя просто не окажется времени, чтобы изучить все данные и выяснить места их обитания. Тем более что дон Симон требует быстрого расследования. А встречаться мы могли бы днем, когда они не смогут нас увидеть. Если все, что ты рассказывал о них, правда, то Лондон не более опасен, чем Оксфорд или какое-либо другое место. Кроме того, в Лондоне ты будешь рядом на случай... – Она запнулась. – Просто на всякий случай.

Он отвел глаза и, не отвечая, медленно пропустил сухие ленты ридикюля вампирши сквозь пальцы свободной руки.

– Возможно, – проговорил он, помолчав. – Мне ведь и в самом деле понадобится помощник, который верит... А ты веришь, что они действительно вампиры? – Он снова вскинул глаза.

Лидия нахмурилась, поворачивая в пальцах этот странный деформированный кусочек кости. Джеймс был одним из немногих, кому она могла сказать все, что думает, не боясь при этом нервного, неуверенного смеха или, хуже того, непонимающего взгляда, каким обычно отвечали молодые люди на ее агрессивные шутки.

– Видимо, в той же степени, что и ты, – наконец ответила она. – Конечно, легче всего было бы сказать: «Глупости, так не бывает». Но год-два назад, никто, как ты знаешь, не верил в существование вирусов. Мы и сейчас толком не знаем, что это такое, но знаем хотя бы, что они есть, и каждый день приносит все новые и новые открытия... Сотню лет назад глупостью назвали бы мысль, что болезни распространяются крохотными организмами, а вовсе не истекают из дисбаланса жизненных соков (что, кстати, выглядит куда более очевидно). И что-то определенно не так с этой костью.

Она вздохнула, освобождаясь от главного страха – остаться одной, в то время как судьба ее будет решаться другими. Что до Джеймса, то он, кажется, примирился со своей судьбой и, сняв руку с плеча жены, принялся с аккуратностью истинного ученого выгружать на покрытый кружевной салфеткой подоконник содержимое ридикюля: пожелтевшие счета, старые театральные программки, приглашения.

– Ты что, в самом деле попытаешься договориться с убийцей?

– Конечно попытаюсь. – Он поднес выцветший пригласительный билет к свету. – Но делать это нужно весьма осторожно. Вампиры прекрасно понимают, что это мой потенциальный союзник... В чем дело?

Сидя к Лидии спиной, он все же почувствовал, как она вздрогнула.

Выронив карточку, которую она, надо понимать, только что прочла, Лидия смотрела на мужа со страхом и растерянностью и явно не знала, что сказать.

Он поднял кусочек картона и осмотрел сначала его обратную сторону. Затем повернул лицом, где витиеватым золотым тиснением обозначено было имя почтенного Альберта Уэстморленда.

– Я знала его, – с легкой дрожью в голосе объяснила Лидия. – Не слишком близко... Он был одним из студентов дяди Амброуза, когда я еще в школу ходила. Его отец был папиным другом в городе.

– Один из твоих поклонников?

Насмешливая нотка, обычно сопровождавшая любое упоминание о поклонниках Лидии, на этот раз отсутствовала. Когда-то они ходили за ней толпами – отчасти привлеченные удачливостью старого Уиллоби, купившего для нее дом вместе с обстановкой, отчасти очарованные дерзким сорванцом в юбке. С самого детства слыша, что она безобразна, Лидия с радостью принимала теперь их ухаживания (хотя, конечно, куда большую радость доставлял ей серьезный анализ нервных повреждений), и очаровывать людей стало для нее второй натурой. Впрочем, отдельным пылким юношам, наводившим на нее смертельную тоску, она давала отставку, каждый раз приводя в замешательство своего отца, так и не уяснившего, в чем они провинились перед его дочерью. С почти религиозной верой в то, что мужчина способен исправить характер женщины, он одобрял всех ее поклонников, хотя и надеялся втайне увидеть свою своенравную дочь замужем за пэром.

Лидия улыбнулась, вспомнив лицо отца, когда она объявила ему, что выходит замуж за преподавателя филологии, и даже без приставки «почтенный». Улыбнулась, но тут же встряхнула головой.

– Он был уже помолвлен с дочерью лорда Кэррингфорда. И тем не менее ухаживал за мной, так что виделись мы довольно часто. Я знала... ну никто, конечно, об этом не говорил, и Нанна убила бы любого, кто осмелился бы об этом заикнуться, но я предполагаю, что, когда они резвились в городе, их сопровождали девушки несколько иного типа... Я хорошо помню, как Деннис Блейдон пришел сказать мне о том, что Берти мертв.

Она содрогнулась, и Джеймс снова обнял ее. Странно, но в свое время это печальное известие не слишком поразило ее, хотя, конечно, она чувствовала тогда и скорбь, и потрясение – ведь Берти был ее ровесник, да еще и поклонник. Ей потом не раз приходилось иметь дело со смертью (старый Хорис Блейдон, патологоанатом Рэдклиффа, говаривал, что совершенно неприлично смотреть, как она пластает трупы), но это было совсем другое, это не касалось близких людей. Деннис, помнится, пытался сообщить ей о смерти Альберта как можно тактичнее, но, в общем-то, зря старался.

– Он не сказал, как это произошло?

Она покачала головой.

– Во всяком случае, умер он внезапно. Помню, за неделю до этого вся их компания отправилась болеть за Денниса в матче против Королевского колледжа. Бедный Берти. – Лицо Лидии было печально. – Почтенный Берти... Во время матча он терроризировал всю скамью, проливал лимонад на брюки и отрывал на себе пуговицы. Его брат, столь же почтенный Эвелийн, чуть не сгорел от стыда.

«Странные вещи я вспоминаю, – подумала она. – Интересно, понимал Берти, что с ним происходит, или же эта вампириша просто усыпила его, как Исидро усыпил всех нас?»

Помолчав, она спросила:

– Мы сможем видеться хотя бы днем?

– Не знаю, – тихо сказал он. – Боюсь, что это будет небезопасно. Вампиры нас не выследят, но может выследить убийца. А мне бы не хотелось, чтобы он обнаружил твоё присутствие, пока я не встречу с ним и не выясню, как и почему он все это делает. – Его пальцы бережно сжали руку Лидии – каждая хрупкая косточка была для него драгоценна. Почувствовав, что мышцы его напряжены, Лидия вскинула глаза. – И еще одно, – сказал он. – Исидро о чем-то

умолчал, о чем-то очень важном. Он сделал явную глупость, наняв человека, но в том-то все и дело, что дон Симон Исидро не дурак. Значит, у него есть какие-то тайные соображения. И это первое, что мне необходимо выяснить. Иначе, боюсь, в живых из нас не останется никто.

В Лондон Эшер вернулся после полудня. За завтраком он сообщил Элен и миссис Граймс, что ночная история настолько потрясла Лидию, что ей необходимо показаться специалисту в Лондоне. Байка эта привела Лидию в негодование. Элен была поражена.

– Да она в порядке, мистер Эшер, сэр, в самом деле! Это ведь она разбудила меня и повариху! Да и никогда она не была нервной.

– Я провел с ней целое утро, и, поверьте мне, она нуждается в специалисте, – твердо сказал Джеймс.

Двадцать четыре часа без сна и полное истощение сил лишили его обычной изобретательности. Элен недоверчиво присмотрелась к его бледному лицу с черными тенями под глазами.

– Не стоит мне так говорить, сэр, но, по-моему, если кто-то здесь и нуждается в нервном докторе...

– Да, вам не стоит так говорить, – отрезал Эшер и залпом выпил свой кофе. – Помогите миссис Эшер собрать все необходимое, а я вернусь за ней к вечеру.

«Как раз к вечеру они и управятся, – отметил он про себя, – если будут собирать все, что Лидия сочтет необходимым».

Одна только мысль, что до заката придется дважды съездить в Лондон, сделала Эшера совершенно больным. Однако заботливый муж, роль которого он сейчас разыгрывал, должен сам сопровождать жену, не доверяя эту миссию служанке. Кроме того, в Лондоне было бы весьма трудно отделаться от Элен, которая, мало того что была гораздо умнее, чем казалась, но еще и отличалась неизлечимым любопытством.

«Странно, – спустя малое время думал Эшер, пересекая мост Магдалины. – Вполне похвальные качества мгновенно становятся недостатками, стоит их приложить к слугам».

Поверх каменной балюстрады моста он видел вершины ив и отдаленные пятна коричнево-серой воды. Вспомнив слова Исидро относительно мягкой и твердой древесины, невольно усмехнулся. Перешел мост и свернул на Сент-Клемент-стрит, ведущую с окраины в холмистую местность, расчерченную заросшими, редко используемыми дорогами.

Чем трястись еще два часа в поезде, он решил взять с собой в Лондон мотоцикл – американскую машину в пять лошадиных сил, вечное яблоко раздора между ним и остальными преподавателями. Были, конечно, и другие лекторы, даже и друзья Христовой церкви, владевшие моторами, но считалось, что это больше свойственно ученым из Кембриджа. Щадя чувства коллег и не желая подрывать свою репутацию безобидного книжного червя (не говоря уже о достоинстве профессорской мантии), Эшер редко садился на мотоцикл в черте города.

Однако в данный момент время было слишком дорого. Слишком многое предстояло сделать, пока солнце не опустилось за горизонт и Исидро со своими друзьями еще спят в гробах.

Кратчайший путь до Лондона лежит через Уиком. Дорога оказалась прескверная, ухабистая, местами невымощенная и покрытая желтоватой грязью, быстро залепившей ботинки, кожаную куртку, очки и волосы. Но главное – наконец-то он был один среди огромного молчания медленно проплывающих мимо меловых холмов и торфяных равнин. Один – чтобы наконец придумать хоть какой-нибудь план.

На вершине высокого холма Эшер остановил мотоцикл и оглянулся на зеленую равнину, мерцающую дюжиной заболоченных речушек среди ползущего тумана и темных масс деревьев. Он мог разглядеть отсюда башни колледжей – не сияющие поросли шпилей, как бывает на рассвете и закате, но зеленовато-серые, замшелые, знакомые: купола Фомы и Магдалины, всплывающие над кронами деревьев, шпиль Мертон и квадратные очертания башни Нового колледжа – словно лица друзей, стоящих на краю платформы и провожающих тебя в дальний путь.

За границей ему постоянно грозила опасность забыть эти места. Были времена, когда ему приходилось, не раздумывая, убивать человека. И все-таки память об этих мягких серых небесах возвращалась рано или поздно: «Если я только вернусь когда-нибудь в Оксфорд...» А позже пришло понимание, что Оксфорд – это еще и Лидия.

С мысленной усмешкой Эшер подумал о том, что почти все знакомые ему женщины попросту отмахнулись бы от его сегодняшнего рассказа или бы приняли лихорадочно сообщать, что желает скрыть Эшер столь дурацким образом. Под легкомысленной очаровательной внешностью Лидия таила холодную практичность врача и умение работать с фактами, какими бы причудливыми они ни казались. Хотя он и сам ухитрился в минуту смертельной опасности безошибочно проанализировать архаичное произношение вампира.

Возможно, это была одна из причин, почему из всех поклонников, капитулировавших перед этой девчонкой (а многие были и моложе его, и состоятельнее), мужем ее удалось стать именно ему.

«Исидро еще пожалеет, что втянул в это дело Лидию», – мрачно подумал он.

Он нажал на стартер, спугнув дюжину жаворонков, развернул мотоцикл и покатил вниз по склону в направлении Биконсфилда и Уикома – к отдаленному куполу желтовато-серого дыма, под которым скрывался Лондон.

Путешествия Эшера по задворкам Европы в поисках латинских корней и иных, куда более странных сведений научили его подыскивать укрытие быстро. Фасады облюбованных им двух домов (в Блумсбери, недалеко от музея) смотрели на разные улицы, зато черный ход и в том и в другом случае выводил в один и тот же переулок. Из окошка квартиры на Брутон-плейс, 109, где должна была поселиться Лидия, хорошо просматривалось окно одинокой комнаты самого Эшера, располагавшейся по адресу: Колоннада принца Уэльского, 6. Расстояние, правда, было великовато, и в случае необходимости пришлось бы перепрыгивать через дренажные трубы и всякие там заборчики, но лучшего варианта не нашлось. Солнце уже клонилось к закату, когда Эшер снова побрел к поезду на Оксфорд.

Весь путь домой он проспал. Сновидения, как он и опасался, были недобрые: полный золы гроб на Хайгейтском кладбище и боязнь вслушаться и различить ясный шепот, идущий из этой золы.

Лидия ждала его. Одета она была просто, но изящно, однако сквозь вуаль было заметно, что лицо у нее бледное и измученное, как и у самого Джеймса. В поезде, подкрепив силы несколькими чашками кофе, он объяснил ей, как пользоваться почтовым ящиком, устроенным им в читальной комнате музея, и условился о сигнальной связи между Брутон-плейс и Колоннадой принца Уэльского: одна занавеска задернута, другая откинута – значит, необходимо встретиться; лампа в окне – знак опасности.

– Полагаю, тебе лучше всего начать с Сомерсет-Хауса, – сказал он, когда окно залили свинцовые сумерки. Дневная гонка на мотоцикле через холмы была приятной, но ближе к вечеру заметно похолодало, так что душный вагон гораздо больше подходил для этого путешествия. – Ты могла бы собрать информацию у нотариусов и в Государственном архиве. У меня есть предположение, что некоторые вампиры имеют собственность. Трудно поверить, что Исидро доверил бы свой костюм, не говоря уже о гробе, заботам квартирной хозяйки. Составь список домов, не менявших хозяев в течение... ну, скажем, семидесяти лет и больше. Все записи о необычных владельцах поместий также могут оказаться весьма интересными. Любопытны и свидетельства о смерти в случае, если тело так и не было найдено. Газетные сенсации насчет вампиров сомнительны, потому что должны были их насторожить. Один бог знает, сколько случаев голодной смерти или смерти от тифа следует отнести на счет Исидро и его друзей. Я подозреваю, что во время эпидемий в Ньюгейте и Флите вампиры охотились за своими жертвами, не опасаясь последствий. Бедняги... – добавил он и в молчании принялся изу-

чать тонко вырезанный профиль жены, белеющий во мраке купе. – Ты собираешься выяснять что-либо относительно смерти Альберта Уэстморленда? – спросил он, понизив голос. – Если не возражаешь, я бы занялся этим сам.

Она покачала головой, прекрасно понимая, что Джеймс заботится не столько о ее нервах, в крепости которых уверен, сколько о ее безопасности. Без очков карие глаза Лидии казались мечтательными и немного сонными.

– Нет. У тебя и так мало времени. Кроме того, я знала его самого и его друзей. Не думаю, чтобы мне удалось повидаться с Деннисом Блейдоном, избежав при этом упреков, что я вышла замуж за тебя, а не за него, но с Фрэнком Эллисом (он сейчас виконт Хаверфорд) я бы могла поговорить. Или со столь же почтенным Эвелином – братом Берти. Он только поступил в тот год, когда Берти... умер.

– Мне все это не нравится, – медленно проговорил Эшер. – Одно дело, если ты занимаешься в Лондоне какими-то исследованиями... Когда я пошлю письмо моему сослуживцу по министерству иностранных дел в «Дейли мейл», твое имя упомянуто не будет. Исидро говорил, что вампиры легко узнают, когда на их след напали друзья или родственники убитого: такие люди начинают расспрашивать очевидцев, обшаривать кладбища. Мне бы очень не хотелось, чтобы тебя заметили. Это может обернуться смертью для нас обоих.

Она выпрямилась.

– Не понимаю, каким образом...

– Я тоже, – отрубил он. – Но в данный момент я принимаю его слова на веру. У них есть возможности, которых нет у нас, и, пока мы не узнаем о них побольше, шанса я им не предоставляю.

– Может быть, – сказала она. – Но у них есть и слабости, и чем больше мы о них узнаем от людей, имевших с ними дело, тем скорее сможем что-либо предпринять, если... если дела пойдут совсем плохо. Берти умер давно, и подозрений это не вызовет.

– Мне это очень не нравится, – снова сказал Эшер, сознавая, что Лидия, возможно, права. – Я бы предпочел, чтобы ты не занималась этим, но если уж займешься, то, по крайней мере, будь осторожна. Что же касается того, что ты можешь выяснить... Тебе никогда не приходилось опрашивать случайных свидетелей, пусть даже всего через десять минут после происшествия? А Берти умер... когда?

– В девятисотом. – Губы ее дрогнули в невеселой усмешке. – Меж двух веков.

– То есть семь лет назад...

Семь лет назад он был в Африке, путешествуя верхом через коричневатые бархатные равнины при свете вздувшейся медовой луны. Иногда ему казалось, что было это совсем недавно – не более семи недель назад. Эшер наклонился к Лидии и поцеловал ее. Откинутаая вуаль щекотала переносицу. И вновь странно было сознавать, что в конце концов они все-таки стали мужем и женой.

– Будь даже Лотта первой жертвой, а не четвертой, все равно семь лет – это очень много. Но нам сейчас важна любая зацепка. Ты сможешь все это выяснить?

– Конечно, профессор Эшер! – С видом примерной ученицы она положила руки в перчатках на колени и невинно распахнула глаза. – А что именно мне предстоит выяснить к полудню?

Он грустно усмехнулся:

– Список клиентов газовой компании, неумеренно жгущих газ. Их было бы проще найти, подняв банковские счета, но для этого нужно разрешение либо министерства, либо Скотленд-Ярда, а это может привлечь внимание Исидро. Список оставишь в условленном месте в музее. Пожалуй, на ночь я буду прятать его в сейф в Юстоне. Пока Исидро и его друзья понятия не имеют о направлении моих поисков. И, Лидия, дай мне знать, если как-нибудь случайно обнаружишь, что кто-то идет по тому же самому следу.

– Короче говоря, убийца. – Судя по ее голосу, Лидия и сама думала об этом. Он кивнул. – А потом начнешь их уничтожать?

Что-то в ее тоне заставило Эшера вскинуть глаза, и он был слегка удивлен несколько опечаленным лицом жены. Та встряхнула головой, как бы беря свои слова назад.

– Просто хотелось бы исследовать их с медицинской точки зрения.

Это было настолько в ее духе, что Эшер чуть не расхохотался.

– Да, начну, – сказал он, и веселость его исчезла. – На то есть много причин, и самая незначительная из них заключается в том, что если я не схвачу убийцу, то рано или поздно заподозрят, что это я убиваю их. Они должны быть уничтожены, Лидия, – тихо продолжал он. – Но если... когда до этого дойдет, уничтожить придется всех, потому что бог знает, что будет с нами, если хотя бы один из них уцелеет.

Эшер добрался рэдингским поездом до Элинга и далее пересел на подземку – долгим кружным путем через Викторию и Сити, а затем назад, к Юстонской станции, оставляя в стороне окрестности Паддингтона, где высадились Лидия. Было уже совсем темно. Глядя на летящие за окнами кирпичные стены и мгновенные промельки газового света там, где состав выскакивал из туннеля, Эшер размышлял, охотятся ли вампиры в вагонах подземки третьего класса. Могут ли они в крайних случаях использовать туннели как укрытие от солнца? Вообще, как много требуется солнечного света, чтобы испепелить их белую хрупкую плоть?

«Наверное, немного», – подумал он, пересекая платформу и поднимаясь по лестнице к квадрату ночного неба. Даже если распахнуть дверь, много ли света проникнет в усыпальницу Хайгейтского кладбища с тенистой сумрачной аллеи!

Когда уже он шел по мостовой, кольнуло беспокойство за Лидию, оставшуюся на Паддингтонском перроне. Конечно, она бы не пропала в вокзальной толпе – шестеро, а то и семеро молодых джентльменов оспаривали бы право нести ее багаж. Эшер боялся только Исидро.

Каким образом вампиры могут узнать, что кто-то собирает о них данные днем? Может быть, Лидия права и его попросту пытались запугать. Их ведь, наверное, было очень мало – родственников и друзей, оказавшихся настолько проникательными, что предпочли откровенное суеверие удобству «логических объяснений», как это назвал Исидро. И тем не менее...

Двигаясь в тесной толпе по Юстон-роуд, Эшер успокаивал себя тем, что Исидро никоим образом не мог узнать о его двойном возвращении в Оксфорд. «Да, но он может это предположить...»

Эшер встряхнул головой. Кажется, усталость начала сказываться и на его способностях оценивать ситуацию. Не спать в течение тридцати шести часов – невольно начнешь шарахаться от собственной тени. Конечно, он нервничал не потому, что за ним следили, но потому, что за ним могли следить.

Эшер замедлил шаги, рассеянно оглядывая спешащие экипажи и уличную толчею в тусклом свете газовых фонарей. Служащие, продавщицы торопились в направлении подземки, чтобы успеть на следующий поезд, который доставит их домой – в огромные трущобы окраин. Рабочие, жаждущие дешевого ужина и нескольких кружек пива, проталкивались к дверям трактира. В этом обманчивом освещении их лица казались бледнее обычного, но мертвенной белизны неподвижных черт нигде видно не было.

Почему же тогда нарастает это странное чувство тревоги и такое ощущение, что перед глазами маячит слепое пятно?

На перекрестке он перешел на другую сторону Гувер-стрит и двинулся по тротуару, все так же рассеянно озирая грузовики, omnibusы, моторные кебы, вагончики конки с яркими рекламными плакатами. Однако большей частью улица была запружена конными повозками всех видов. Здесь были фургоны, влекомые мохноногими клячами, открытые викторианские экипажи, закрытые коляски, в каких предпочитают ездить доктора, и высокие двухколесные

кебы. Бессонница давала себя знать, острота зрения притупилась, вдобавок мешало это мельтешение теней. И все же рискнуть стоило. Транспорт шел густо, но не быстро – иногда лишь какой-нибудь кебмен, хлестнув лошадь, направлял ее в открывшийся на минуту просвет. Что ж, можно попробовать...

Достигнув поворота, ведущего к Колоннаде принца Уэльского, Эшер внезапно сошел с тротуара и кинулся в самую гущу транспорта. Чудом не был сбит пронзительно заржавшей лошадью, вслед полетели проклятия на экзотическом диалекте. «Как это йоркширца занесло в лондонские кебмены?» – поразился он, оскальзываясь на покрытой пометом влажной мостовой и ныряя среди движущихся масс плоти, дерева и железа. Оказавшись на той стороне, обернулся.

В самой середине потока экипажей шарахнулась, заржав, извозчичья лошадь, с визгом затормозил моторный кеб, и Эшеру показалось на секунду, что какая-то тень метнулась в электрическом свете фар.

«Понятно... – подумал он и, отдышавшись, двинулся дальше. – Рискуй и дальше своим бессмертием, мой кровососущий друг...»

Войдя в комнату, он зажег газовый рожок, оставив окно незадернутым. Сбросил пальто, котелок, шарф и открыл саквояж, привезенный еще днем на мотоцикле, ныне надежно укрытом в сарае неподалеку. Полдюжины чистых рубашек, смена белья, бритвенные принадлежности и книги – что еще может потребоваться в Лондоне охотнику за вампирами? Эшер представил на секунду маленький магазинчик на темной улице, специализирующийся на серебряных пулях, осиновых кольях, чесноке, – и усмехнулся. Так, чтобы его было видно через окно с улицы, Эшер подошел к платяному шкафу, нахмурился, как бы ища и не находя чего-то, затем повернулся и вышел из комнаты.

Бесшумно сбежав по лестнице, проскочил кухню (хозяйка успела лишь вздрогнуть и вскинуть глаза на странного жильца) и оказался в узком каменном, испятнанном мхом колодце с ведущими наверх ступенями. Осторожно выпрямившись, взглянул поверх мостовой.

Темная фигура на ночной улице все еще всматривалась в освещенное окно, явно поверив обманному маневру Эшера. Соглядатай стоял неподвижно, почти невидимый в густом мраке между двумя рядами высоких домов. Но даже в смутном падающем из окон свете лицо его поражало мертвенной белизной. Всматриваясь, Эшер затаил дыхание, помня, насколько чуток слух вампиров. Затем моргнул – и темная фигура исчезла.

Полчаса у него ушло на то, чтобы неторопливо распаковать багаж, переодеться и побриться. Это слегка освежило, но все равно спать хотелось смертельно. Возникло даже легкое искушение: взять да и лечь в постель, оставив Исидро стоять в сыром переулке. Однако в этом случае встреча состоялась бы прямо в комнате. Вряд ли дон Симон знаком с легендой, согласно которой вампир может войти в новое жилье лишь с позволения хозяина.

«Хотя, с другой стороны, – подумал Эшер, открывая дверь и поднимаясь по каменным ступенькам на улицу, – есть ли вообще в Лондоне жилье, которое можно было бы назвать новым?» Колоннада принца Уэльского начала застраиваться в последние дни правления Георга IV, а собственный дом Эшера в Оксфорде – во времена королевы Анны. Правда, дон Симон Исидро убивал втихомолку на улицах Лондона задолго до возникновения многих пригородов.

На секунду в воображении Эшера возник древний Лондон: тесное скопище бревенчатых домов, крохотные церкви, жмущиеся к реке каменные монастыри, дюжина враждующих отрядов блюстителей порядка, чьи офицеры не имели права перейти на другую сторону улицы, чтобы схватить преступника; дешевый театрик, где некий Шекспир обучался ремеслу актера и сочинителя пьес; таверны, где плававшие с Френсисом Дрейком пили за здоровье рыжеволосой королевы...

– Мы не будем больше встречаться таким образом, – промурлыкал рядом тихий знакомый голос. – Могут пойти нежелательные слухи.

Эшер резко обернулся, мысленно проклиная свою минутную рассеянность. Даже будучи смертельно утомленным, бдительность утрачивать не стоило.

Исидро где-то успел насытиться – лицо его хотя и оставалось бледным, но уже не отдавало той мертвенной белизной, как тогда, в переулке. Из-под распахнутого плаща виднелся черный вечерний костюм, белый шелк рубашки несколько скрадывал бледность лица. Как всегда, Исидро был с непокрытой головой. Свет газового фонаря положил смутные блики на его высокий лоб. Рука в жемчужно-серой перчатке сжимала тонкую трость черного дерева.

– У меня была мысль оставить вас ждать в том переулке, – ответил Эшер. – Все равно я не могу доложить вам ничего сверх того, что вы уже видели сами: я снял здесь комнату. – Он кивнул в сторону дома номер шесть, уже не различимого среди других домов; смутный свет из окон ложился на ветви деревьев. – После того как мы переговорим, я намерен вернуться и лечь спать.

– В переулке? – Вампир слегка склонил голову к плечу.

– Вы что, не ходили за мной по пятам сразу после наступления темноты? Не следили, как я распаковываю багаж?

Исидро помолчал, просеивая возможные ответы и оставляя лишь необходимые. Эшер в раздражении остановился и повернулся к нему лицом:

– Послушайте. Вы не доверяете мне, и я был бы дураком, доверься я вам. Но это вы, а не я попали в беду. И если вы не предоставите мне необходимой информации, если мы будем продолжать эту бесконечную детскую игру в загадки и отгадки, я просто не смогу вам помочь.

– Вы искренне хотите помочь нам? – В голосе вампира не было сарказма, он и в самом деле хотел услышать ответ.

– Нет, – резко сказал Эшер. – Но и убивать вас я тоже не собираюсь. Слишком дорого за это пришлось бы заплатить. Как вы сами должны были догадаться, я принял кое-какие меры, чтобы Лидия была в безопасности, и, поверьте, было весьма нелегко объяснить ей, почему она должна покинуть Оксфорд. Но я не смогу ни к чему приступить, пока вы не соизволите дать ответ на некоторые мои вопросы.

– Хорошо. – Вампир изучал его в течение нескольких секунд, причем с таким видом, будто тихая площадь Блумсбери, где они сейчас находились, была его частной квартирой. – Я встречаюсь с вами завтра в это же время, и мы отправимся, как вы выражаетесь, на место преступления. Что же касается того, кто следил за вами из переулка... – Снова короткая пауза, которую можно было бы назвать колебанием, если бы не спокойствие черт дона Исидро. – Это был не я.

Глава 5

– О боже, конечно! – Судя по вывеске, хозяйка мастерской была француженка и звали ее Минетта, хотя некоторые особенности произношения подсказывали, что изначально женщина носила простое английское имя Минни. – Волосы изумительные! Блондинки такого типа не любят золотых тонов – они их делают желтыми, как сыр. Но тут другое дело – у нее же зеленые глаза, да еще и с темным ободком вокруг зрачка! Моя бабка говорила, что у кого есть такой ободок – тот ясновидец.

Она устала на Эшера огромные нежно-голубые глаза без каких бы то ни было признаков ясновидения, зато исполненные деловой сметки. Хотя он плотно прикрыл за собой входную дверь, шум Грейт-Мальборо-стрит (цоканье копыт, грохот железных ободьев по гранитным блокам мостовой и крики уличных торговцев на углу) свободно проникал в помещение, подчас заглушая тихий стрекот швейных машинок.

Эшер поправил сидящие на кончике носа очки с простыми стеклами вместо линз, которые надевал, чтобы казаться еще более безобидным, и взглянул поверх оправы на хозяйку.

– Вы слышали от нее самой, что она актриса?

Минетта (она сидела на табурете за выкрашенным белой краской прилавком) кивнула, рассыпав черные грозди кудряшек по бежевому кружеву воротника.

– А она, стало быть, не актриса?

Сказано это было без удивления. Скорее хозяйку даже позабавило, что ее подозрения подтвердились.

Эшер скорбно поджал губы и вздохнул. Не дождавшись словесного ответа, владелица мастерской вынуждена была продолжить:

– Знаете, мне и самой как-то не очень верилось. Актрисы, конечно, спят по утрам долго, но не до самого же вечера! И они все время зубрят роли. Я подозреваю, что дни она проводила с этими молодыми модниками, потому и являлась на примерку так поздно – между спектаклями, как она уверяла.

– С модниками, – повторил Эшер, вновь вздохнул и, достав блокнот, сделал в нем пометку.

Голубые глаза уставились на посетителя.

– Вы шпиик?

– Нет, что вы! – сказал Эшер. – Я фактически адвокат мистера Гоби, чей сын был... э-э-э... другом мисс Харшоу – или мисс Бранхэйм, как она вам представилась. Скажите, мистер Гоби – мистер Томас Гоби – покупал у вас что-либо для мисс Лотты Харшоу? Или, скажем, оплачивал ее счета?

Имя Томаса Гоби то и дело попадалось среди относительно свежих приглашений, найденных в ридикюле Лотты. Если он уже мертв, вряд ли это известно владелице мастерской.

Выяснилось, что мистер Гоби действительно два года назад заплатил Минетте ля Тур семьдесят пять фунтов за костюм коричневого шелка и отделанный мехом жакет, сшитый на заказ, как и все, что приобреталось Лоттой.

Осмотрительно заглядывая через плечо мадемуазель Минетты, склонившейся над грессбухом, Эшер заметил еще несколько знакомых фамилий. Бедняга Берти Уэстморленд потратил, по самым скромным подсчетам, несколько сотен фунтов, чтобы купить своей убице платье и оперный плащ из янтарного бархата, расшитый агатом.

Шесть месяцев назад, и это следовало отметить особо, Лотта приобрела голубую «морскую шляпу». У Лидии тоже была такая, хотя ничего подобного Эшер на морях в жизни не видел. Покупка была оплачена Валентином Кальваром, проживающим по Бэйсуотер-роуд.

Эшер захлопнул блокнот.

– Проблема, дорогая моя мадемуазель ля Тур, вот в чем. Молодой мистер Гоби исчез неделю назад. Его семейство пустилось в розыски, и выяснилось, что мисс Харшоу, выдающая себя за актрису, тоже пропала. В данный момент мы просто выясняем, куда они могли скрыться. Приходила ли когда-либо мисс Харшоу сюда с подругами?

– О господи, сэр, да конечно же, как же иначе! Какая же примерка без подруг? Пару раз с ней приходила миссис Рэн – это леди, которая меня с ней и познакомила. Честно говоря, в моих интересах, если примерку приходится делать вечером при газовом освещении. За это причитается добавочная плата...

– Вы можете сообщить мне адрес миссис Рэн? – спросил Эшер, снова открывая блокнот.

Хозяйка покачала черными кудряшками. Она была еще молода – лет тридцать, не старше, и еще только подбирала клиентов. Магазинчик, довольно тесный и удаленный от фешенебельных улиц, был выкрашен изнутри в белый и лимонный цвета, чтобы хоть как-то компенсировать недостаток света из единственного окна. Нужно быть действительно состоятельной модисткой, чтобы платить жалованье швеям и вышивальщицам в межсезонье, когда клиенты уезжают в Брайтон или в загородные имения. В августе Минетта, надо полагать, согласилась бы проводить примерки и в полночь.

– И я сомневаюсь, что они и вправду были подруги. Бог знает, как они вообще сошлись. Даже слепой увидел бы, что миссис Рэн – женщина не ее круга. Готова держать пари, что Рэн – не настоящая ее фамилия. Муж – пьяница, не выпускал ее из дому. Чтобы купить новую юбку, ей приходилось уходить тайком, когда он отправлялся в свой клуб. Думаю, вас больше заинтересует другая ее подруга – мисс Селестина дю Бо, хотя, сказать по правде... – Модистка дерзко подмигнула. – Мисс дю Бо – такая же француженка, как и я.

Весьма позабавленный этим признанием, Эшер все же счел нужным выразить неодобрение такого рода уловкам и вскоре покинул заведение мадемуазель ля Тур.

По адресу, оставленному Селестиной дю Бо на тот случай, если счета будут пересылаться ей, а не какому-либо ее поклоннику, располагалась табачная лавка, кстати, в двух шагах от станции подземки, то есть добраться сюда можно было из любого конца Лондона. А Валентин Кальвар оставил модистке адрес пивной на Бэйсуотер-роуд – оба вампира предпочитали получать корреспонденцию лично.

– Получала ли мисс дю Бо письма для кого-нибудь еще? – спросил Эшер, выкладывая полкроны на прилавок красного дерева.

Юный клерк бросил нервный взгляд в глубь лавки, где хозяин смешивал высшие сорта табака – для джентльменов.

– Для мисс Хлои Уотермид и мисс Хлои Уинтердон, – понизив голос, ответил юноша и вытер остренький нос. – Она заходила... иногда два раза в неделю и всегда перед самым закрытием.

– Хорошенькая? – рискнул Эшер.

– Что-то сногшибательное. Ростик маленький – этакая карманная Венера. Светлая, как шведка, а глаза, по-моему, карие, и одета всегда как куколка. Но никто к ней никогда не приставал, хотя она часто приходила с кавалером... Суровый малый и всегда в накрахмаленной рубашке.

– Имя? – Эшер выложил на прилавок еще полкроны.

Юноша снова бросил быстрый взгляд на громоздкую фигуру хозяина.

– Никогда не слышал, – шепнул он, отодвигая монету Эшеру.

– Возьмите себе, – шепнул Эшер, беря с прилавка пачку русских сигарет, приобретение которой, собственно, и было предлогом для разговора, и покинул табачную лавку под аккомпанемент дверного колокольчика.

Дальнейшее изучение могилы Лотты мало что дало. Проникнуть днем на территорию кладбища оказалось обескураживающе легко. Узкая аллея между рядами склепов была абсо-

лютно пуста и тонула во влажном мраке. Кто угодно мог войти и беспрепятственно расчленив любой труп, не говоря уже о таких мелочах, как пронзить сердце или отрезать голову.

Сквозь открытую дверь в усыпальницу просеивался зеленоватый полусвет, но Эшер счел нужным осмотреть каждый квадратный дюйм гроба и ниши с помощью электрической лампы на сухой батарее – неуклюжего устройства, пронесенного им под широким пальто. Ему удалось отыскать то, что вполне могло оказаться остатками осинового колышка, и, завернув находку в ткань, он спрятал ее в карман – на предмет более подробного изучения. В дальнем углу усыпальницы Эшер обнаружил мерзкую грудку костей, волос и деталей корсета в остатках истлевшей пурпурной материи – надо полагать, бывшую хозяйку гроба, перешедшего затем во владение Лотты.

Остаток первой половины дня он провел в приемной «Дейли мейл», изучая некрологи, полицейские сообщения и светскую хронику, сравнивая встречающиеся имена с теми, что были извлечены из бумажного хлама в комнате Лотты и из гробсбуха мадемуазель ля Тур. Как выяснилось, бедный Томас Гоби был «унесен болезнью» всего два месяца спустя после того, как оплатил шелковый коричневый костюм. Эшер записал адрес – Олбани, а также имена братьев, сестры, родителей и невесты покойного.

Поражало совпадение имен – во всяком случае, за последние семь-восемь лет. Бедный Берти Уэстморленд был не единственным из беспутной компании дружков Лотты, посылавших приглашения и покупавших ей безделушки, хотя расплатиться в полной мере, кажется, пришлось только ему.

Другие оказались удачливее. Альберт Уэстморленд умер в 1900 году, а почтенный Фрэнк Эллис (еще один поклонник Лидии, так ни разу и не встреченный Эшером) приобрел для Лотты зеленый вечерний костюм в 1904-м. Кто знает, сколько еще молодых людей поддерживали связь с вампиршей!

Он содрогнулся при мысли о том, как близко была Лидия к этой невидимой чуме, и мысленно поблагодарил чопорных дам высшего света за четкую границу, проведенную ими между девушками из хороших семей и женщинами, с которыми юноши из тех же хороших семей развлекались в промежутках между галантными ухаживаниями за будущими невестами.

Лидии было тогда восемнадцать. В ту пору она жила в оксфордском доме отца и слушала лекции вместе с маленькой группой саммервильских студентов, интересующихся медициной. Другие девушки болезненно реагировали на вечные комментарии и шуточки старшекурсников и деканов. Лидию в этом смысле всегда выручали ее незлобивость и рассеянность. Она была искренне удивлена яростью отца, когда предпочла обучение поездке в Лондон на ярмарку благородных невест. Имей она брата или сестру, отец бы, наверное, лишил ее наследства. Даже ее дядя, декан Нового колледжа, обычно ее поддерживавший, был скандализирован выбором специальности. Женское образование – это, конечно, хорошо, но он-то имел в виду словесность, классическую литературу, но уж никак не вскрытие трупов и изучение работы органов размножения.

Эшер слегка усмехнулся, вспомнив, как старый женоненавистник Хорис Блейдон встал в конце концов на ее сторону. «Даже распроклятая девчонка способна понять, что я сейчас делаю!» – обрушивался он на смущенных студентов на лекции по патологии крови... Хотя нет, распроклятой девчонкой он называл Лидию где угодно, только не на лекциях. И старик бы все равно относился к ней именно так, даже если бы его собственный сын не был безумно влюблен в Лидию.

Эшер изучал некрологи, развернутые на мрачном, испятнанном чернилами столе, сверял их со списком знакомых Лотты и думал о Деннисе Блейдоне.

Кто бы мог предположить, что Лидия вызовет интерес в молодом Блейдоне, не говоря уже о таком чувстве, как любовь! Грубоватый, золотоволосый, сложенный как бог, Деннис придерживался мысли, что любая женщина должна сомлеть от счастья, услышав его предложение, –

качество, особенно раздражавшее Лидию. Увидев ее впервые без очков и сообразив, что она обладает хрупким изяществом и неплохим состоянием, молодой Блейдон обрушил на нее весь свой шарм и галантность – к тихому отчаянию Эшера. Все в Оксфорде – от деканов до последнего клерка – считали свадьбу свершившимся фактом. Отец Лидии, полагая, что одного умного человека в семье вполне достаточно, также отнесся к предстоящему браку благосклонно. На вопрос Хориса Блейдона, что его сын намерен делать с женщиной, которая половину своего времени проводит в анатомичке, Деннис ответил со свойственной ему блистательной серьезностью: «О, это ей совсем не нравится, отец». Предположительно он знал лучше, чем она сама, что ей нравится, а что нет. А втоптанный в прах неприметный и немолодой коллега ее отца с тоской наблюдал за будущей четой и гадал, сколько еще пройдет времени, прежде чем его надежда развеется окончательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.